

СУЩНОСТЬ ЖИЗНИ.

(Продолженіе *).

Органическая телеологія.

Разсматривая жизненный, или растительный организмъ въ его цѣломъ, или въ отдѣльныхъ частяхъ, мы замѣчаемъ, что въ строеніи какъ отдѣльнаго органа, такъ и цѣлаго организма всегда воплощено извѣстное назначеніе. Все органическое царство до такой степени проникнуто цѣлесообразностью, что мы смотримъ на нее, какъ на нѣчто само собою понятное. Какой бы органъ человѣческаго тѣла мы ни взяли—глазъ, ухо, пищеварительный органъ—вездѣ замѣтимъ разумную приспособленность извѣстныхъ средствъ для достиженія опредѣленной цѣли. Если мы сравнимъ дѣйствія различныхъ органовъ въ ихъ взаимномъ отношеніи, то замѣтимъ, что дѣйствія всѣхъ органовъ связаны другъ съ другомъ и составляютъ одно индивидуальное цѣлое, называемое нами организмомъ. Въ послѣднемъ всѣ части такъ связаны, что мы не можемъ представить себѣ ихъ иначе, какъ только въ отношеніи къ цѣлому. Обычно различаютъ цѣлесообразность внутреннюю и внѣшнюю. Описанный нами видъ цѣлесообразности, по которому всѣ части организма являются вмѣстѣ и цѣлями и средствами, взаимно содѣйствующими себѣ въ своихъ отправленіяхъ и служащими одновременно цѣлому,—называется внутренней цѣлесообразностью. Но такъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 22 за 1914 г.

какъ организмъ въ своемъ существованіи зависитъ отъ окружающихъ его вліяній, то предусмотрительная природа надѣлила его еще внѣшней цѣлесообразностью, выражающейся въ извѣстной приспособленности къ окружающимъ условіямъ. Отсюда—различія въ организаціи существъ различныхъ классовъ — травоядныхъ, хищныхъ, наземныхъ и водныхъ.

Не менѣе замѣчательные факты цѣлесообразности мы находимъ и въ растительномъ царствѣ. Вся внѣшняя форма любого растенія приспособлена къ внѣшнимъ условіямъ жизни. Сила тяжести, какъ извѣстно, заставляетъ растеніе устанавливаться по линіи земного радіуса. Корень стремится къ центру земли, стебель направляется кверху.

Это положеніе дерева, дающее ему устойчивость, позволяетъ боковымъ вѣтвямъ ствола расти по разнымъ направленіямъ и образовать раскидистую крону. Если мы обрѣжемъ верхушки—остальные вѣтви обращаютъ свои конечности къ небу, выпрямляясь по линіи къ центру. Какъ извѣстно, въ умѣренномъ климатѣ преобладаютъ листовенныя деревья, въ жаркихъ странахъ, напротивъ, деревья сокращаютъ свою листовую поверхность. Это объясняется тѣмъ, что деревья съ широкой листвою поглощаютъ большее количество кислоты и тѣмъ болѣе усиливаютъ процессъ фотосинтеза, а деревья съ сокращенной листовой поверхностью, находясь въ жаркихъ странахъ, должны возможно меньше расходовать свою влагу, что достигается сокращеніемъ листовой поверхности. Особенной приспособленностью группа насѣкомоядныхъ растений, которыя удивительно приспособлены къ ловлѣ насѣкомыхъ и ихъ перевариванію. Но всего больше поражаетъ ученыхъ въ растеніяхъ ихъ приспособленность къ оплодотворенію: устройство тычинокъ, пестиковъ, выдѣленіе меда, чувствительность, форма, окраска и т. п.

Мы не станемъ перечислять всѣхъ видовъ и примѣровъ цѣлесообразности въ органическомъ мірѣ, скажемъ лишь словами Гельмгольца, что эта „поистинѣ замѣчательная черта органическаго царства вѣроятно послужила поводомъ къ тому, чтобы сравнивать жизненные процессы съ началомъ, дѣйствующимъ на подобіе души. Во всемъ окружающемъ насъ мірѣ мы знаемъ всего одинъ рядъ явленій,

носящихъ подобный характеръ,—это дѣйствія и поступки разумнаго человѣка. Надо сознаться, что органическая цѣлесообразность стоитъ даже выше способности человѣческаго разума и въ ней приходится признать скорѣе высшій, чѣмъ низшій разумъ“¹⁾).

Представители механической теоріи видятъ въ явленіяхъ органической жизни не цѣлесообразность, а лишь причинно обусловленные механическіе процессы. Механизмъ противопоставляетъ „причинно - механистическое“ толкованіе жизненныхъ процессовъ телеологическому и думаетъ, что телеологія стоитъ внѣ причинности и даже исключаетъ послѣднюю. Но это—заблужденіе. Признаніе телеологіи явленій вовсе не ведетъ къ отрицанію ихъ причинности. Совершенно на противъ—телеологія необходимо предполагаетъ существованіе причинной связи. Безспорно, жизнь слагается изъ ряда механическихъ и химическихъ процессовъ, безъ которыхъ невозможно и цѣлесообразное развитіе. Но отрицать цѣлесообразность ради того, что между явленіями существуетъ причинная зависимость, значить—закрывать глаза на самое главное въ явленіи. Возьмемъ простой примѣръ: предъ нами книга, только что вышедшая изъ типографіи. Безъ сомнѣнія она появилась на свѣтъ благодаря механическимъ средствамъ. Но развѣ рѣшится кто-либо утверждать, что книга сама по себѣ представляетъ механическую необходимость и что ея возникновеніе обязано только механическимъ средствамъ?

Разницу между человѣкомъ, который видитъ въ явленіяхъ только причинное соотношеніе, и другимъ, который признаетъ также и цѣль, можно уподобить разницѣ между двоими людьми, изъ которыхъ одинъ интересуется только полотномъ и красками картины, а другой обращаетъ вниманіе и на картину и на ту идею, какую хотѣлъ воплотить въ ней художникъ. Отвергающаго телеологію въ мірѣ организмовъ можно сравнить съ человѣкомъ, который въ стихотвореніи интересуется не содержаніемъ, а числомъ буквъ и словъ.

Слѣдовательно, телеологія и причинность суть понятія не взаимно исключаютія другъ друга, но вполне равно-

¹⁾ Гельмгольцъ. Популярно-научныя бесѣды. II, 201.

правныя и взаимно дополняющія другъ друга. Шопенгауэръ справедливо говоритъ по этому поводу: „изъ разсмотрѣнія свойствъ органическихъ существъ слѣдуетъ, что телеологія, предполагающая цѣлесообразность каждой части, оказывается вполне надежнымъ руководителемъ при изученіи органической природы въ ея совокупности. Поэтому въ животномъ все должно быть цѣлесообразно. Въ виду этого конечныя причины являются ключемъ къ уразумѣнію органической природы, равно какъ дѣйствующія причины служатъ ключемъ къ уразумѣнію міра неорганическаго. Этимъ и объясняется—почему, когда мы не понимаемъ въ анатоміи и зоологіи данной части, нашъ умъ не останавливается, какъ остановился бы въ физикѣ предъ дѣйствіемъ, причина котораго ему неизвѣстна. И какъ въ послѣднемъ случаѣ причина, такъ и въ первомъ назначеніе кажутся намъ совершенно необходимыми, и мы продолжаемъ искать, хотя бы такіе поиски не увѣнчались успѣхомъ“¹⁾.

Извѣстное назначеніе, съ которымъ мы встрѣчаемся въ неорганической природѣ, достигается опредѣленными физическими и химическими средствами. Въ виду того, что нашему наблюденію доступны только эти средства, то и возникло то пагубное заблужденіе, по которому одни лишь эти средства заслуживаютъ признанія, совершенно исключая телеологію въ организмѣ.

Возьмемъ еще примѣръ. Если мы разрѣжемъ картофельный клубень надвое, то на поверхности срѣза виссъ образуется слой кожицы, которая герметически закупориваетъ рану. Несомнѣнно эта вспомогательная кожица возникла изъ клѣтокъ растенія, благодаря раздраженію, которое было нанесено разрѣзомъ. Механизмъ съ своей точки зрѣнія долженъ видѣть здѣсь лишь одну причинную зависимость: раздраженіе произвело во внутреннихъ клѣткахъ реакцію, которая и повела къ образованію предохранительной кожицы. Но неужели-же этимъ установленіемъ причинной зависимости все сказано и этотъ удивительный процессъ саморегулированія вполне выясненъ и больше ничего не требуется? Въ данномъ случаѣ не выяснено самое главное,—не указано, что это за факторъ, который заставилъ

¹⁾ А. Шопенгауэръ. Міръ какъ воля и представленіе. II, стр. 375.

клетки действовать так целесообразно въ интересахъ существованія цѣлаго организма.

Проф. I. Reinke въ своемъ послѣднемъ трудѣ „Philosophie der Botanik“ въ главѣ 3-ей, озаглавленной „Kausalität und Finalität“, прекрасно выясняетъ взаимоотношеніе причинности и телеологіи въ органическихъ явленіяхъ.

„Телеологическое и причинное отношенія связаны между собой, говоритъ Reinke, временно и пространственно. Сложная машина бездѣйствена безъ целесообразнаго отношенія частей другъ къ другу, а дѣятельность частей допустима только при ихъ причинномъ дѣйствіи другъ на друга. Если мы развитіе глаза выводимъ изъ первыхъ замѣтныхъ обнаруженій зародыша, то въ явленіяхъ новообразованія, роста и преобразованія клетокъ мы имѣемъ причинную обусловленность для развитія органовъ; но явленія клеточнаго образованія имѣютъ и сами по себѣ извѣстную научную цѣнность и значеніе, если мы знаемъ къ чему онѣ предназначены: къ преобразованію ли хрусталика, сѣтчатки, роговой оболочки, радужной, мускулатуры, и пр. или къ образованію цѣлаго способнаго къ функционированію глаза. Безъ установленія этой целесообразной зависимости невозможно было бы установить и причинную зависимость, явился бы нѣкоторый научный тормозъ, который едва-ли вознаградилъ бы труды изслѣдователей. Целесообразная зависимость явствуетъ изъ гармоническаго сліянія ея съ причинной зависимостью“¹⁾. Нѣсколько ниже Reinke говоритъ: „въ біологіи причинное объясненіе и телеологическое суть два равноправныхъ метода познанія и критики міра растительнаго и животнаго. Оба принципа изслѣдованія вполне равноправны и одинъ безъ другого немыслимы... Въ то время какъ въ физикѣ и химіи мы находимъ лишь приложеніе одного этиологическаго принципа объясненія явленій,—въ біологіи мы должны допустить этиологическое и телеологическое объясненіе въ ихъ тѣснѣйшей связи. Чисто физическое явленіе безцѣльно и въ этомъ смыслѣ справедливы слова Канта, что цѣль—нѣчто прошлое, чужое въ природѣ; точно также организмы и живая протоплазма—нѣчто чуждое въ химіи и физикѣ. Въ свойствахъ отдѣльныхъ химическихъ соединеній,

¹⁾ Reinke. Philosophie der Botanik. Leipzig. 1905 p. 22—23.

въ физическихъ явленіяхъ, какъ таковыхъ, нѣтъ ничего такого, что можно было бы назвать цѣлью; только въ способѣ ихъ соединенія у животныхъ и растений предъ нами выступаетъ цѣль, которую мы столь же мало переносимъ на природу, какъ и способъ ихъ соединенія. Для біологіи, какъ самостоятельной науки, въ высокой степени важно, что въ организмахъ выступаетъ цѣлесообразность и что безъ послѣдней самъ организмъ невысказанъ и понятіе о немъ будетъ туманно и неопредѣленно. Поэтому біологія не можетъ быть опредѣлена лишь какъ химія или физика животныхъ и растений¹⁾.

Итакъ, цѣлесообразность, составляя неотъемлемое свойство органическихъ существъ, должна мыслиться вмѣстѣ съ причинностью, какъ равноправный и тождественный съ нею принципъ объясненія жизненныхъ явленій. Споръ механизма съ витализмомъ по поводу цѣлесообразности основанъ на неправильномъ пониманіи цѣлесообразности, которая нисколько не противорѣчитъ понятію причинности, но предполагаетъ его. По опредѣленію Канта въ человѣкѣ существуетъ потребность признавать причинную зависимость между явленіемъ и эффектомъ. Разсматривая, напр., дѣятельность сердца, мы чувствуемъ потребность установить причинную связь между существованіемъ этого органа и производимой имъ работой. Иначе говоря, въ работѣ сердца мы видимъ причину существованія самого органа сердца. Именно такое органическое устройство, въ которомъ мы видимъ причинную зависимость между явленіемъ и дѣйствіемъ и называется цѣлесообразнымъ. Въ этомъ то именно смыслъ и ни въ какомъ другомъ витализмъ и находитъ возможнымъ объяснять телеологически жизненные явленія. То, что механизмъ признаетъ въ качествѣ дѣйствія или результата извѣстнаго явленія—витализмъ признаетъ какъ цѣль даннаго явленія. Въ силу внутренней необходимости телеологическое толкованіе явленія напрашивается само собой точно такъ же, какъ и причинное объясненіе. Механизмъ, однако, не удовлетворяется этими объясненіями и нападаетъ на самое понятіе цѣлесообразности, утверждая, что это понятіе чисто субъективное, оно заимствовано изъ нашей сознательной дѣя-

¹⁾ I. Reinke. Philosophie der Botanik Leipzig. 1905 г., стр. 35—36.

тельности и мы не имѣемъ ни малѣйшаго права переносить это понятіе на явленія органической жизни, въ которыхъ (явленіяхъ) ничего не соотвѣтствуетъ этому понятію. Приписывать явленіямъ органической жизни цѣли—значить судить о нихъ съ чисто субъективной точки зрѣнія, значить олицетворять ихъ, а не объяснять и понимать. Согласно воззрѣнію механизма нашъ рефлектирующий разсудокъ есть единственная причина той мнимой цѣлесообразности, которая въ дѣйствительности есть лишь сочетаніе извѣстныхъ причинъ и слѣдствій, естественныхъ веществъ и силъ.

Нетрудно видѣть, что это возраженіе механизма основано на недоразумѣніи и при ближайшемъ разсмотрѣніи не выдерживаетъ никакой критики.

Если понятіе телеологіи заимствовано изъ сознательной дѣятельности человѣка, то и понятіе причинности могло получить начало отсюда же. Въ природѣ мы наблюдаемъ явленія и ихъ послѣдовательность. Причинную зависимость, очевидно, самъ человѣкъ приписываетъ къ явленіямъ природы. Отсюда слѣдуетъ, что какъ телеологія, такъ и причинность есть результаты сознательной дѣятельности человѣка и если механизмъ на этомъ основаніи отвергаетъ телеологію, то мы съ такимъ же точно правомъ можемъ и должны отвергнуть и причинную зависимость между явленіями. Но въ томъ то и дѣло, что витализмъ вовсе не отказывается отъ причиннаго объясненія явленій, но именно требуетъ для органической цѣлесообразности причиннаго объясненія, такъ какъ механизмъ совершенно игнорируетъ это необходимое требованіе нашего разсудка. Далѣе, можно ли согласиться съ тѣмъ воззрѣніемъ механизма, по которому цѣлесообразность есть наше чисто субъективное понятіе и мы не имѣемъ права переносить это понятіе на природу? Справедливо то, что понятіе цѣлесообразности представляется нашему уму, какъ данное и идея цѣли возникаетъ изъ наблюденія надъ нашей собственной психической дѣятельностью. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, что эта идея цѣлесообразности не имѣетъ никакой фактической основы въ самой природѣ вещей. Если бы это было такъ, если бы идея цѣли имѣла чисто субъективное значеніе и никакого объективнаго приложенія, то было бы совершенно непонятно—почему эта идея такъ принудительно навязывается нами тѣмъ вещамъ, въ кото-

рыхъ мы замѣчаемъ цѣлесообразныя отношенія. Механизмъ утверждаетъ, что мы приписываемъ цѣлесообразность лишь высшимъ организмамъ въ силу ихъ необычайнаго сходства съ нашимъ собственнымъ строеніемъ. Но вотъ, напр., мы на выставкѣ машинъ; угадывая ихъ назначеніе, проникаясь ихъ цѣлесообразностью въ цѣломъ и въ частяхъ, мы вовсе не вносимъ въ эти машины никакихъ цѣлей. Эти цѣли существуютъ въ машинѣ сами по себѣ независимо отъ нашего намѣренія и мы только читаемъ ее, какъ нѣчто данное въ устройствѣ каждой изъ машинъ. Наконецъ, если допустить, что только разсуждающій умъ человѣка надѣляется органической цѣлесообразностью съ той минуты, какъ исчезло бы съ лица земли мыслящее человѣчество. Остается, такимъ образомъ, признать, что мы прилагаемъ къ организмамъ идею цѣли потому, что замѣчаемъ въ нихъ, кромѣ механическаго дѣйствованія, еще и телеологическое.

Итакъ, фактъ цѣлесообразности въ органическомъ мірѣ внѣ всякаго сомнѣнія.

Обращаясь къ природѣ неорганической, мы не встрѣчаемъ въ ней ничего подобнаго той внутренней и внѣшней цѣлесообразности, которая замѣчается въ царствѣ организмовъ. Нигдѣ мы не встрѣчаемъ того, что принято называть органами въ живомъ индивидуумѣ: мы находимъ лишь части, совершенно безразличныя въ отношеніи другъ къ другу. Если мы потребуемъ разъединить организмъ на его составныя части—онъ потеряетъ характеръ живого цѣлаго, перестанетъ быть организмомъ; въ мертвой природѣ, напротивъ, сколько бы мы ни дробили камень—онъ не потеряетъ своей природы.

Признавая, что все живое имѣетъ цѣль и назначеніе, мы неизбѣжно наталкиваемся на очень важный вопросъ—откуда явилась цѣлесообразность—возникаетъ ли она подъ вліяніемъ естественныхъ причинъ, или вложена извнѣ?

Механизмъ пытается объяснить цѣлесообразность изъ естественныхъ причинъ. Такая попытка механистическаго объясненія принадлежитъ Дарвину, который пытается объяснить явленія цѣлесообразности чисто механическими факторами. Дарвинъ, какъ извѣстно, не отрицаетъ факта цѣлесообразности въ органическомъ мірѣ и даже ставитъ его въ основу своего ученія о приспособленіи, но онъ пытается

объяснить это явление не психическими факторами (какъ это пытаются сдѣлать психоламаркисты) и вообще не какими-либо рациональными факторами, но даетъ странную, иррациональную попытку объясненія. По словамъ проф. Schneider'a „эта попытка Дарвина признавать цѣлесообразность и объяснять ее, игнорируя цѣлепредставляющій умъ, есть своего рода „unikum“. Здѣсь лежитъ коренное заблужденіе, ибо всякая цѣлесообразность въ нашей дѣятельности необходимо предполагаетъ разсудочную дѣятельность и поэтому мы a priori должны допустить нѣчто подобное и для всякой другой цѣлесообразности“¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы сравнимъ конструкцію ядовитыхъ зубовъ у змѣи, имѣющихъ своею цѣлью инъекцію яда съ такимъ же инъекціоннымъ аппаратомъ, созданнымъ искусственно человѣкомъ, то въ однихъ случаяхъ предъ нами предстанетъ извѣстное назначеніе, которое воплощено въ этихъ предметахъ. Различіе заключается лишь въ томъ, что въ искусственномъ аппаратѣ умъ человѣка есть виновникъ той идеи, которая здѣсь воплощена, въ устройствѣ ядовитыхъ зубовъ у змѣи, этого виновника мы не можемъ прямо назвать, но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что его нѣтъ; мы должны предположить нѣкоторый другой умъ, который запечатлѣлъ эту цѣль²⁾.

Пытаясь объяснить цѣлесообразность при помощи своей теоріи отбора, Дарвинъ впадаетъ въ неизбежное противорѣчіе. Вѣдь цѣлесообразность настолько существенное свойство жизни, что мы не можемъ себѣ представить живого существа безъ этой характернѣйшей особенности его бытія. Можно сказать, что всѣ явленія жизни ни что иное, какъ явленія приспособленія, т. е. явленія того своеобразнаго взаимоотношенія между организмомъ и внѣшней средой, которое представляется намъ въ видѣ органической цѣлесообразности. Цѣлесообразность наиболѣе существенная сторона живого тѣла, она такъ тѣсно связана съ жизнью, что попытаться объяснить происхожденіе цѣлесообразности—значить, собственно, объяснить происхожденіе жизни. Но Дарвинъ, трактуя о цѣлесообразности, предполагаетъ жизнь уже существующей и лишь послѣ этого уже надѣляется ее

¹⁾ K. Schneider, p. 71.

²⁾ K. Schneider, стр. 71.

цѣлесообразностью. Онъ требуетъ, такимъ образомъ, чтобы мы признали, что нѣкогда существовали организмы, лишенные цѣлесообразности, т. е. того главнаго свойства, которое составляетъ самое главное въ органическомъ мірѣ. Но этого мы не можемъ себѣ никакъ представить: опытъ не даетъ намъ понятія о такихъ организмахъ, въ которыхъ совершенно отсутствуетъ цѣлесообразность. Мы видимъ, такимъ образомъ, что Дарвинъ заранѣе допускаетъ то, что намъ требуется объяснить, ибо предлагаетъ намъ позднѣйшее, такъ сказать; поствитальное объясненіе органической цѣлесообразности. Одно изъ двухъ: или Дарвинъ предполагаетъ организмы цѣлесообразными съ самаго начала, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ нечего доказывать органическую телеологию, а во второмъ случаѣ мысль о цѣлесообразныхъ организмахъ сама по себѣ нелѣпа.

Не имѣя возможности цѣликомъ отвергнуть органическую цѣлесообразность, такъ какъ она слишкомъ очевидна, механисты спѣшатъ всѣми способами ограничить ее указаніемъ на дистеологическій характеръ многихъ явленій органической жизни.

Нужно сказать, однако что въ такихъ указаніяхъ на нецѣлесообразность явленій органической жизни кроется простое недоразумѣніе. Во первыхъ, фактъ цѣлесообразности, недоступный нашему пониманію въ настоящее время, впоследствии, при развитіи научныхъ знаній, можетъ сдѣлаться понятнымъ. Во вторыхъ, витализмъ вовсе не признаетъ цѣлесообразность неограниченнымъ свойствомъ организмовъ; онъ говоритъ лишь объ относительной, а не безусловной цѣлесообразности въ органической природѣ. На что природа способна въ одномъ организмѣ, на то она неспособна въ другомъ. Было бы, напр., очень цѣлесообразно, если бы у человѣка отрѣзанная нога вновь выросла, какъ у тритона. Но если этого мы не наблюдаемъ, то это еще не есть нецѣлесообразность и цѣлесообразность созидательной дѣятельности организма нисколько не мѣняется оттого, что существуютъ предѣлы, дальше которыхъ эта дѣятельность идти не можетъ. По справедливому замѣчанію проф. А. Брандта „цѣлесообразность какого-либо устройства выражается лишь въ его пригодности къ извѣстнымъ отправленіямъ и въ достаточномъ приноровленіи къ даннымъ внѣшнимъ ус-

ловіямъ. Было бы слѣпо утверждать невозможность болѣе совершенной птицы, болѣе совершеннаго кита, чѣмъ нынѣ существующіе. Совершенство мы можемъ приписывать лишь всемогущей причинѣ всего бытія. Въ частности же совершенство мыслимо лишь въ сферѣ идеала; идеаль же-нѣчто существующее лишь въ идеѣ, таковы его суть и опредѣленія. Конкретныя тѣла могутъ лишь болѣе или менѣе стремиться и приближаться къ идеалу... Съ этой точки зрѣнія мы имѣемъ право приписывать нашему организму, да и всемъ сочленамъ окружающей насъ природы лишь относительное совершенство или цѣлесообразность¹⁾.

Наконецъ, должно замѣтить, что цѣлесообразность несколько не теряетъ своего характера въ томъ случаѣ, если она обнаруживается не во всѣхъ случаяхъ органической жизни. Если человѣкъ поступаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неразумно, то это еще не значить, что у него совершенно отсутствуетъ разумъ. Подобно этому нѣтъ основаній отвергать цѣлесообразность въ органическомъ царствѣ только потому, что въ нѣкоторыхъ организмахъ встрѣчается нарушение цѣлесообразныхъ функцій вслѣдствіи, напр., болѣзни, поврежденія и проч.

Итакъ, цѣлесообразность въ органическомъ царствѣ-фактъ безспорный и невыводимый изъ естественныхъ силъ природы.

Спрашивается: откуда эта цѣлесообразность? Характеръ цѣлесообразности въ организмахъ таковъ, что необходимо приводитъ насъ къ признанію разумности той силы, которая управляетъ законами и явленіями цѣлесообразности. Въ самомъ дѣлѣ, если мы рассмотримъ явленія регенераціи въ низшихъ организмахъ и явленія заживленія въ организмахъ высшихъ, то насъ не можетъ не поразить разумность той силы, которая руководитъ этими явленіями въ интересахъ цѣлаго организма. Уже одинъ этотъ фактъ рѣзко отдѣляетъ органическую цѣлесообразность отъ физическихъ и химическихъ силъ неорганической природы.

Далѣе, если мы станемъ судить объ организмахъ по аналогіи съ машинами, то мы должны будемъ признать, что органическая цѣлесообразность явилась не сама собой и не

¹⁾ А. Брандтъ. О цѣлесообразности въ природѣ. М. Б. 1897. № 12, стр. 105.

случайно, но какъ результатъ чьего-либо намѣренія, или вмѣшательства. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ въ мірѣ ни одной такой машины, въ которой не было бы вложено ея изобрѣтателемъ извѣстнаго намѣренія. По аналогіи съ машиной мы должны признать, что и органическая цѣлесообразность вложена извнѣ. Что цѣлесообразность есть результатъ особой трансцендентальной причины, не поддающейся механическимъ законамъ и необъяснимой изъ однихъ физико-химическихъ силъ, — эта мысль лучше всего выяснена Кантомъ. „Мы, говоритъ Кантъ, по самому свойству своихъ познавательныхъ способностей, т. е. изъ соединенія опыта съ высшими принципами разума, въ конечномъ результатѣ не можемъ себѣ представить возможности такого міра иначе, какъ признавая преднамѣренно дѣйствующую высшую причину... Несомнѣнно, что органическія существа и ихъ внутренняя возможность не поддаются изученію на основаніи однихъ механическихъ принциповъ природы, не говоря уже объ объясненіи. Человѣку не слѣдуетъ дѣлать и попытокъ въ этомъ направленіи, или надѣяться на то, что со временемъ можетъ появиться Ньютонъ, который сумѣетъ объяснить хотя созданіе одной лишь соломины на основаніи законовъ природы, не подчиненныхъ особому намѣренію. Людямъ слѣдуетъ безусловно отсовѣтовать становиться на такую точку зрѣнія“ ¹⁾).

Кантъ, очевидно, хочетъ сказать, что наша разумная природа заставляетъ насъ признать цѣлесообразность зависящей отъ преднамѣренно дѣйствующей высшей причины. Это потому, что иной способъ изученія природы, или иная наука, противорѣчащія нашей познавательной способности, лишены смысла и потому нелѣпы.

Но здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ затрудненіемъ.

Если мы, въ виду высокаго совершенства органическихъ существъ, причину ихъ цѣлесообразнаго устройства будемъ искать во всемогущей и высочайше разумной волѣ Творца, въ Его постоянно продолжающемся твореніи или устроеніи органическихъ существъ, то какъ объяснить случаи нецѣлесообразныхъ явленій въ органической природѣ. Не будутъ ли факты этихъ цѣлесообразныхъ явленій сами

¹⁾ Кантъ. Критика силы сужденія стр. 284.

по себѣ опровергать мысль объ абсолютной мудрости и всемогуществѣ Божественной воли? Нѣтъ сомнѣнія, что эти факты будутъ говорить противъ допущенія мысли о непосредственной дѣятельности Творца. Мы должны въ виду этого затрудненія принять мысль Канта о Высшей причинѣ органической цѣлесообразности съ нѣкоторымъ ограниченіемъ.

Цѣлесообразная сила, дѣйствующая въ природѣ органической, не есть сила безусловно свободная и неограниченная. Правда, эта сила дѣйствуетъ въ высокой степени разумно, но ея дѣятельность ограничена и несовершенна. Эта ограниченность цѣлесообразной силы открывается въ тѣхъ неудачахъ органическихъ образованій и въ тѣхъ нецѣлесообразныхъ явленіяхъ, которыя мы наблюдаемъ въ живыхъ тѣлахъ. Отсюда открывается, что въ органическомъ мірѣ не дѣйствуетъ непосредственно творческая сила Божества, но самостоятельная, хотя первоначально и происшедшая отъ Божества, органическая сила. Эта сила не можетъ располагать своей дѣятельностью вполне и безусловно — разумно, какъ располагала бы этой дѣятельностью божественная Воля, но въ то же время эта сила есть относительно самостоятельное начало органической жизни и эта самостоятельность явствуетъ изъ тѣхъ явленій органическихъ новообразованій, которыя мы видимъ въ живыхъ тѣлахъ.

Итакъ, полагая первоначальный источникъ разумно дѣйствующей цѣлесообразной силы въ Божествѣ, мы въ то же время признаемъ относительную самостоятельность и ограниченность этой силы.

Сказаннаго нами по поводу органической цѣлесообразности достаточно для того, чтобы не только признать послѣднюю характернѣйшимъ признакомъ живого, но и видѣть въ ней указаніе на самостоятельное начало органической жизни, которое ведетъ насъ къ признанію послѣдней и высочайшей цѣли, Разума неорганическаго и всесовершеннаго—Творца міра.

Мы представили, такимъ образомъ, наиболѣе характерные и существенные признаки органической природы въ ея отличіи отъ царства неорганическаго. Анализъ этихъ признаковъ позволяетъ намъ сдѣлать два слѣдующихъ вывода:

- 1) явленія органической жизни не могутъ быть объяснены

при помощи физическихъ и химическихъ силъ, дѣйствующихъ въ неорганической природѣ; 2) всѣ эти явленія необходимо предполагаютъ для своего объясненія особую причину, или силу, отличную отъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ неорганической.

Самостоятельная причина органической жизни.

Къ разсмотрѣнiю этой силы мы и обратимся. Представители механической теорiи возражаютъ, прежде всего, противъ самой необходимости особой причины органической жизни. Такое допущенiе, говорятъ послѣдователи механизма, совершенно излишне и нисколько не оправдывается характеромъ жизненныхъ явленiй. Явленiя жизни зависятъ, по ихъ мнѣнiю, не отъ особой „мистической“ силы, ихъ производящей, а лишь отъ особаго сочетанiя тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ живыхъ тѣлъ. Если мы разсмотримъ живое въ его цѣломъ, то найдемъ, что въ немъ дѣйствуютъ тѣ же законы, что и въ неорганической природѣ и какой-либо силы, которая нарушала бы дѣйствiе этихъ законовъ, совсѣмъ незамѣтно.

Мы имѣли случай замѣтить раньше и теперь повторяемъ, что въ организмѣ дѣйствуютъ физическiя и химическiя силы. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ—можно-ли при помощи этихъ силъ объяснить всѣ тѣ особенности органической жизни, которыя мы наблюдаемъ въ живыхъ тѣлахъ? На основанiи всего доселѣ изложеннаго мы должны дать безусловно отрицательный отвѣтъ: не только невозможно, но даже, напротивъ, эти силы находятся въ подчиненiи у нѣкотораго другого агента, который своеобразно направляетъ эти силы въ интересахъ цѣлаго организма. Далѣе, возраженiе механизма противъ допущенiя особаго начала органической жизни имѣло бы силу лишь въ томъ случаѣ, если бы мы представляли себѣ силу, управляющую жизнью, въ видѣ нѣкотораго одушевленнаго существа, которое произвольно распоряжается жизненными явленiями, противодѣйствуя физико-химическимъ законамъ, какъ это думалъ въ свое время Сталь. Это повело бы къ раздѣленiю въ органической жизни, что и случилось со Сталемъ, который признавалъ эту силу въ видѣ разумнаго, вполне самостоятельнаго начала, управляющаго всѣми явленiями органической жизни и для ка-

ждаго даннаго организма допускатъ наличность особаго анимическаго элемента, который находится въ соперничествѣ съ физико-химическими силами. Ничего подобнаго, однако, мы не допускаемъ и говоримъ лишь о томъ, что матеріальныя начала въ организмѣ служатъ нѣкоторымъ вспомогательнымъ началомъ для его отправленій и что между этими началами и органической силой существуетъ извѣстная гармонія. Наконецъ, указаніе на безусловное господство въ организмѣ физическихъ силъ имѣло бы полную силу лишь въ томъ случаѣ, если бы удалось доказать, что эти силы пригодны для такой роли, что онѣ въ состояніи произвести хоть одно жизненное явленіе. Но мы видѣли, что это невозможно и ни одинъ химикъ или физикъ не рѣшится утверждать противное.

Противъ допущенія особой самостоятельной причины органической жизни механисты возражаютъ указаніемъ на то, что это начало—убѣжище нашего незнанія, *asylum ignorantiae*, нѣчто мистическое, таинственное. Говорить объ особой жизненной силѣ это значитъ, по мнѣнію механистовъ, „обезсиловать мысль какимъ то разслабленно-пессимистическимъ (?), мистически-декадентскимъ разочарованіемъ въ наукѣ“ ¹⁾, или по выраженію другого изслѣдователя,—„допускать мысль о жизненной силѣ—значитъ витать въ области бесплоднаго мистицизма и ограничиваться нелѣпымъ сочетаніемъ словъ“ ²⁾ и т. п. По мнѣнію другого изслѣдователя „витализмъ это — отрицаніе единства въ наукѣ, это культъ неизвѣстнаго со всѣми его тайнами и неожиданностями чудесъ“ ³⁾, а г. А. Борисякъ видитъ въ современномъ торжествѣ виталистическихъ ученій „вырожденіе философской мысли (?) и отживающую идеологію реакціоннаго класса (?) съ его „археями“ и туманнымъ мистицизмомъ“ ⁴⁾.

Для насъ лично, признаться, совершенно непостижима логическая сила этихъ и имъ подобныхъ возраженій. Истинный смыслъ этихъ возраженій, повидимому, тотъ, что жиз-

¹⁾ К. Тимирязевъ. Витализмъ и наука. Р. М. 1894 г. № 11, стр. 169.

²⁾ Филипповъ. Наука и философія. Н. Об. 1895 № 1, стр. 4.

³⁾ В. Михайловъ. Механизмъ и витализмъ. Н. Об. 1894 № 52, стр. 1648.

⁴⁾ А. Борисякъ. Витализмъ и теорія познанія. Н. Об. 1898 № 10 стр. 799.

ненная сила, по сравненію съ другими силами природы,—нѣчто туманное и неопредѣленное, неподдающееся точному изученію. Но возьмемъ, напр., современное ученіе о физической основѣ жизни—протоплазмѣ. Прежде, бывало, если встрѣтится что-либо непонятное въ явленіяхъ жизни—все это объяснялось жизненной силой, теперь напротивъ, говорить, что все въ жизни объясняется физическими и химическими свойствами протоплазмы, но что такое эти свойства, каково ихъ истинное вліяніе на жизнь—объ этомъ ничего почти неизвѣстно. Развѣ не можетъ быть названо современное ученіе о протоплазмѣ убѣжищемъ незнанія для современного естествознанія? Если бы ученіе о свойствахъ протоплазмы, по сравненію съ ученіемъ о жизненной силѣ, имѣло на своей сторонѣ полное преимущество по своей ясности и убѣдительности,—тогда, конечно, упрекъ въ мистицизмѣ имѣлъ бы силу, но такъ какъ ничего подобнаго нѣтъ, то противной сторонѣ вполнѣ дозволительно оставаться при своемъ мнѣніи.

Далѣе, обратимъ вниманіе на другія силы природы, которыя по своей сущности якобы гораздо понятнѣе и доступнѣе нашему изученію. Предъ нами цѣлый рядъ силъ природы—сила тяготѣнія, сила химическаго сродства, электричество, магнетизмъ, тепло, свѣтъ и пр. Спрашиваемъ: что знаемъ мы объ этихъ силахъ по существу? Мы знаемъ, напр., что сила химическаго сродства дѣйствуетъ при химическихъ реакціяхъ такъ или иначе; мы знаемъ, что сила тяготѣнія дѣйствуетъ по тѣмъ или инымъ законамъ и—только. Если же мы спросимъ себя: что такое эти силы по существу, почему они дѣйствуютъ по тѣмъ, а не инымъ законамъ, какова внутренняя природа этой силы,—то должны будемъ признаться, что ничего этого мы не знаемъ. Очевидно, что гносеологическій характеръ этихъ силъ выражается въ томъ, что онѣ суть только адекватныя причины для опредѣленнаго круга явленій въ естествознаніи. Эти силы ни больше, ни меньше какъ одни лишь названія, которыя олицетворяютъ въ себѣ совершенно неизвѣстныя намъ по своему существу причины, которыя полагаются нами въ основу извѣстныхъ явленій въ естествознаніи. И если бы кто-либо попытался опровергнуть эти силы на томъ только основаніи, что онѣ намъ неизвѣстны по своей внутренней

природѣ, то эта попытка была бы признана и неудачной и странной.

Почему же эта попытка считается вполне допустимой въ отношеніи къ органической силѣ живого существа? Мы изучаемъ явленія жизни и приходимъ, на основаніи этого изученія, къ убѣжденію, что однѣми физико-химическими силами они не могутъ быть объяснены и потому допускаемъ особое начало, которое, допустимъ, будетъ названо органической силой. Простымъ признаніемъ этой силы, безъ сомнѣнья, еще не будетъ сразу удовлетворительно объяснены явленія жизни. Да это и невозможно. Эти явленія будутъ объяснены лишь въ томъ случаѣ, когда признанная нами причина органической жизни послужить исходной точкой дальнѣйшихъ изслѣдованій, какъ это имѣетъ мѣсто въ приложеніи къ другимъ силамъ природы. Почему же послѣднія легли въ основу многихъ научныхъ изслѣдованій, несмотря на свою таинственность, а органическая сила должна быть отвергнута? На этотъ вопросъ механисты отвѣчаютъ упорнымъ и вполне естественнымъ молчаніемъ.

Причину крайняго нерасположенія къ ученію о жизненной силѣ видятъ въ тѣхъ злоупотребленіяхъ этимъ понятіемъ, которыя имѣли мѣсто въ прошломъ. И дѣйствительно, въ исторіи человѣческой мысли были моменты, когда понятіе „жизненная сила“ прилагалось къ объясненію всѣхъ непонятныхъ жизненныхъ процессовъ въ качествѣ всемогущаго принципа. По словамъ К. Бернара, „жизненную силу“ олицетворяли, въ ней видѣли исполнительнаго агента, разумнаго дѣятеля, формирующаго тѣла и управляющаго косою и послушною матеріею живого существа. Достаточное основаніе cadaго акта жизни заключалось для виталистовъ въ жизненной силѣ, не имѣющей нужды въ посторонней помощи силъ физическихъ и химическихъ, даже борющейся съ ними при исполненіи своего назначенія ¹⁾. Такое злоупотребленіе понятіемъ жизненной силы имѣло мѣсто въ прошломъ и даже послужило косвеннымъ поводомъ къ распространенію матеріалистическаго міровоззрѣнія, послужившаго реакціей противъ крайностей виталистическихъ доктринъ.

¹⁾ С. Тайны жизни. Русск. Вѣстн. 1878 г. Май, стр. 74.

Причина такихъ злоупотребленій заключалась въ смутности и неопредѣленности самаго понятія о жизненной силѣ. Но темнота и неопредѣленность того или другого понятія и, проистекающія отсюда злоупотребленія въ пользованіи имъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для его отрицанія. Если мы обратимъ вниманіе на другія научныя дисциплины, то и здѣсь встрѣтимся съ такого рода злоупотребленіями: развѣ, напр., не злоупотребляютъ научнымъ понятіемъ магнетизма, или матеріи? развѣ не пытаются при помощи понятія о матеріи объяснить такія явленія, которыя по существу съ ней ничего общаго не имѣютъ? И однако же едва-ли кто рѣшится на основаніи этихъ злоупотребленій отрицать самое понятіе матеріи. Было бы странно также отрицать и понятіе о жизненной силѣ на томъ только основаніи, что это понятіе темно и неясно. Наука въ выработкѣ основныхъ понятій своего круга прогрессируетъ очень медленно и понятіе о жизненной силѣ не отвергать нужно, а лишь постараться очистить его отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя съ нимъ связаны, сдѣлать его болѣе точнымъ и опредѣленнымъ. Эта послѣдняя цѣль достигается тщательнымъ изученіемъ явленій жизни и точнымъ разграниченіемъ въ нихъ того, что принадлежитъ на долю жизненной силы и что можетъ быть объяснено изъ физическихъ и химическихъ силъ.

Терминъ „жизненная сила“ у современныхъ изслѣдователей вызываетъ прямо какой-то паническій страхъ и тѣмъ не менѣе почти ни одинъ изъ этихъ изслѣдователей не можетъ избѣжать признанія этого нематеріальнаго начала органической жизни. Въ самомъ отрицаніи жизненной силы заключается, какъ это ни странно, ея признаніе. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изслѣдователи, считая чуть ли не смертнымъ грѣхомъ признаніе жизненной силы, тѣмъ не менѣе выводятъ подъ разными другими названіями нѣчто по существу своему столь же „туманное“ и „мистическое“, какъ и жизненная сила. Говорятъ, напр., о „скрытой энергіи органической жизни“ (Бехтеревъ), „распорядкѣ матеріальныхъ частицъ“ (Дю-Буа-Реймонъ), „моментальномъ проявленіи какого-то скрытаго закона“ (Вирховъ), „матеріи высшаго порядка“ (Чермакъ), объ особомъ организаціонномъ планѣ, объ

импульсахъ внутренняго порядка и т. п. Мы не видимъ въ чемъ преимущество этихъ туманныхъ и неопредѣленныхъ названій надъ понятіемъ о жизненной силѣ и почему должно оставить послѣднее понятіе и принять одно изъ перечисленныхъ выше.

Должно, впрочемъ, сказать, что понятіе жизненной силы дѣйствительно слишкомъ обще и широко, но не въ томъ смыслѣ, какъ это думаютъ представители механической теоріи жизни. Понятіе жизненной силы мы прилагаемъ къ существамъ органическаго царства; но число органическихъ существъ необычайно велико, разнообразіе ихъ формъ и строеніе до крайности измѣнчиво и поразительно по своимъ индивидуальнымъ отличіямъ. Въ данномъ случаѣ можетъ возникнуть вопросъ: какимъ образомъ жизненная сила, почти при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, производитъ такое поразительное разнообразіе въ органическомъ царствѣ? Гдѣ тѣ законы, по которымъ дѣйствуетъ эта сила и не должны-ли мы, въ виду такого сложнаго и разнообразнаго проявленія жизненной силы, допустить вмѣсто одной силы нѣсколько силъ, характерныхъ для cadaго даннаго вида? Это недоумѣніе при ближайшемъ разсмотрѣніи другихъ силъ природы, падаетъ само собой. Простота и однообразие другихъ силъ природы покажется намъ мнимой при ихъ ближайшемъ разсмотрѣніи. Возьмемъ, напр. электричество. Эта сила природы проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: она разлагаетъ нѣкоторыя химическія соединенія, сообщаетъ желѣзу магнетическую силу, электрической токъ въ нервахъ вызываетъ ощущеніе, въ мускулахъ—движеніе и проч. Свѣтъ, напр., служитъ источникомъ тепла, химической смѣны веществъ, онъ пробуждаетъ зародышъ къ жизни, производитъ движеніе и проч. Не смотря на столь разнообразныя проявленія силъ природы наука все-таки признаетъ силу тепла, свѣта и электричества. Разнообразие въ проявленіи этихъ силъ, очевидно, нисколько не препятствуетъ признанію этихъ силъ въ качествѣ причинъ извѣстныхъ явленій. Почему же такое разнообразіе въ дѣйствіи жизненной силы обличаетъ непригодность послѣдней при объясненіи явленій органической жизни?.. Но допустимъ, что проявленія жизненной силы гораздо сложнее и дифференциро-

ваннѣе остальныхъ силъ природы. Отсюда скорѣе можно заключить въ пользу признанія этой силы, чѣмъ ея отрицанія. Если обнаруженія жизненной силы поражаютъ своей разнообразностью, то, очевидно, что она имѣетъ дѣло съ явленіями гораздо болѣе сложными и высшими по своей природѣ, чѣмъ явленія неорганической природы. Проявленія психической силы отличаются наибольшимъ разнообразіемъ, но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы примемъ во вниманіе природу человѣческой психики. То же должно сказать и относительно жизненной силы: разнообразіе ея проявленій свидѣтельствуетъ о самостоятельной и высшей природѣ тѣхъ явленій, съ которыми она имѣетъ дѣло.

Во всякомъ случаѣ если встрѣчаются въ точномъ уясненіи понятія жизненной силы нѣкоторыя неясности, то это указываетъ лишь на то, что этотъ терминъ требуетъ болѣе строгой обработки и формулировки. Клодъ Бернаръ говоритъ по этому поводу слѣдующее: „физико-химическія условія сами по себѣ не могутъ приводить въ гармонію и группировать явленія въ томъ порядкѣ и послѣдовательности, какія специально обнаруживаются въ живыхъ тѣлахъ. Не случайная игра физико-химическихъ явленій построяетъ каждое живое существо по плану и чертежу, постояннымъ и заранѣе предвидѣннымъ, и производитъ удивительную подчиненность и гармоническое единеніе жизненныхъ актовъ. Въ живомъ тѣлѣ есть опредѣленное устройство, родъ предъуказаннаго распорядка, которые нельзя оставлять въ тѣни, ибо въ нихъ наиболѣе выдающаяся черта живыхъ существъ. Все это невольно возбуждаетъ въ насъ идею причины, управляющей согласіемъ частей въ организмъ и ведущей по ихъ пути отдѣльныя явленія, въ немъ происходящія. Эту-то причину, разсматриваемую какъ направляющую силу, можно назвать физиологической душою или жизненной силой и можно принять ее подъ условіемъ точно опредѣлить, приписывая ей только то, что ей принадлежитъ. Допустимъ даже, что идея такого распорядка дурно выражена словомъ „сила“, но слово здѣсь не много значитъ; достаточно, чтобы дѣйствительность факта была внѣ спора“¹⁾. Итакъ, дѣло не

¹⁾ С. Тайны жизни. Руск. Вѣстн. 1878 г. Май, стр. 77—78.

въ томъ, какъ мы назовемъ начало органической жизни, а въ томъ, что признаніе этого начала есть необходимое требованіе нашего разума и уже дѣло дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій точно формулировать и обработать понятіе объ этомъ началѣ. Если явленія органической жизни по своей природѣ таковы, что мы не можемъ объяснить ихъ при помощи существующихъ въ природѣ силъ и законовъ, то мы имѣемъ право обозначить специальнымъ терминомъ ту причину, которая производитъ органическія явленія.

Итакъ, мы не можемъ отказаться отъ признанія особой органической силы, которая производитъ явленія жизни и возраженія механистовъ противъ такого признанія не могутъ быть признаны убѣдительными.

Однако, представители механической теоріи жизни идутъ въ своихъ возраженіяхъ противъ жизненной силы дальше и говорятъ, что если даже и допустить, что такая сила существуетъ, то она ничего не можетъ произвести, не пользуясь общими физическими законами природы. Возраженіе это отчасти справедливо: ни одно изъ сношеній частей нашего тѣла между собою не происходятъ непосредственно; эти сношенія возможны лишь при посредствѣ матеріальнаго начала и организующая сила нашего тѣла находится въ постоянныхъ отношеніяхъ къ началамъ физическаго міра. Тѣло, которое служить мѣстопребываніемъ этой силы, организуется при помощи началъ физическаго міра, которыя и сообщаютъ ему извѣстную форму. Все это совершенно справедливо, но факты эти говорятъ о чемъ-то другомъ, а не о зависимости органической силы отъ законовъ физико-химическихъ. Въ явленіяхъ жизни мы замѣчаемъ, что сила организма пытается систематически пользоваться матеріальными началами и употребить ихъ въ интересахъ цѣлаго организма. Этотъ фактъ указываетъ лишь на то, что между силой организма и матеріальными началами существуетъ извѣстная гармонія и въ этомъ случаѣ жизненная сила можетъ быть признана въ качествѣ распорядительной или формирующей силы, но не въ видѣ вполне самостоятельнаго и противоположнаго матеріальнымъ силамъ начала.

Указываютъ еще на тотъ фактъ, что для того, чтобы вызвать извѣстное жизненное явленіе, необходимо обращать-

ся не къ жизненной силѣ, а къ извѣстнымъ физико-химическимъ явленіямъ. Никакое дѣйствіе, говорятъ, невозможно иначе какъ на матерію и чрезъ матерію и только чрезъ изученіе матеріальныхъ законовъ возможно познаніе органической жизни. Въ этомъ случаѣ механисты указываютъ на органическую матерію, въ которой заключается весь секретъ жизненныхъ явленій и только изученіе строенія и законовъ дѣятельности этой матеріи можетъ открыть намъ тайну жизни.

Но, допуская, что вся тайна жизни заключена въ матеріи организма, механисты впадаютъ въ противорѣчіе, которое роковымъ образомъ приводитъ ихъ признанію органической силы. Въ самомъ дѣлѣ, постараемся уяснить себѣ: что такое по своему существу та матерія, изъ которой строится организмъ. Химическій составъ этой органической матеріи, какъ мы видѣли выше, нисколько не отличается отъ состава предметовъ неорганической природы: и тамъ и здѣсь химическій составъ одинъ и тотъ же, различіе лишь заключается въ своеобразномъ сочетаніи элементовъ, входящихъ въ составъ органическихъ существъ. Но эта своеобразная группировка составныхъ элементовъ живого существа необходимо предполагаетъ особую организующую силу, которая соединяетъ эти элементы такимъ образомъ, что получается не мертвый предметъ, а живое существо. Съ этой точки зрѣнія матерія организма немислима безъ организующей силы. Коль скоро эта сила исчезла, организмъ умеръ—предъ нами уже не органический предметъ и сколько бы мы ни изучали эту органическую матерію безъ органической силы мы не получимъ ни малѣйшаго понятія о способахъ дѣйствія той силы, которая оживляла живыя существа.

Итакъ, изученіе органической матеріи и законовъ ея дѣятельности приводитъ не къ отрицанію жизненной силы, а напротивъ къ ея признанію. Напрасно поэтому механисты рекомендуютъ изучать химическій составъ клѣтки, въ которомъ (составѣ) даны всѣ загадки жизни. По справедливому замѣчанію г. Елпатьевского „клѣтка не есть что—либо постоянное, что можетъ быть выражено въ химической формулѣ; съ этимъ понятіемъ нельзя соединять представленія

о чемъ-то исключительно матеріальномъ; клѣтка представляетъ изъ себя совокупность веществъ, находящихся въ непрерывномъ измѣненіи, синтезирующихъ и распадающихся; это—цѣлая лабораторія, выполняющая ту работу, которая служитъ наиболѣе характернымъ, отличительнымъ признакомъ живого существа. Живого существа общаго для всѣхъ, такъ сказать, средняго нѣтъ, оно—индивидуализировано¹⁾. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть и такой клѣтки, изучая которую изъ цѣльнаго организма, мы могли бы получить понятіе о матеріальныхъ законахъ органическаго существа. Изученіе клѣтки, какъ первоначальнаго органическаго элемента, изъ котораго слагаются организмы, возможно въ двухъ видахъ: или въ мертвой и, слѣдовательно, неорганической матеріи, или въ видѣ живого существа. Въ первомъ случаѣ предъ нами уже не органическая матерія, а простой неорганической элементъ, а во второмъ—сама клѣтка для своего существованія необходимо предполагаетъ особую силу, благодаря которой она можетъ послужить для той, или иной цѣли въ организмѣ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что всѣ возраженія противъ допущенія особой самостоятельной причины органической жизни не могутъ быть признаны состоятельными и скорѣе говорятъ въ пользу признанія этого начала органической жизни.

Характеръ жизненныхъ явленій таковъ, что безусловно не допускаетъ и мысли о возможности объяснить ихъ при помощи физико-химическихъ законовъ. Мы не говоримъ уже о психическихъ явленіяхъ жизни, такъ какъ механисты попадаютъ въ самое плачевное положеніе, пытаясь приложить свои принципы къ объясненію высшихъ жизненныхъ процессовъ. Если бы мы, напр., согласились, что мысль, желаніе, воля, чувство и сознаніе суть физико-химическіе процессы, то добровольно заключили бы себя въ кругъ, изъ котораго нѣтъ никакого выхода. Послѣдовательность заставила бы насъ признать только что высказанное убѣжденіе о физико-химическихъ явленіяхъ и, такимъ образомъ, физико-химическое явленіе объявило бы себя физико-химиче-

¹⁾ В. Елпатъевскій. Что даетъ познанію жизни новѣйшая біологія? Сѣверн. Сіяніе 1909 г. № 6, стр. 87.

скимъ явленіемъ. Въ виду такого абсурда многіе механисты, напр., Бючли, не считаютъ психическіе процессы за физико-химическіе.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ, однако, въ виду явленія фізіологіи, а не психологіи. Но и въ отношеніи къ этимъ явленіямъ жизни должно сказать то же самое. Проф. I. Reinke со всей рѣшительностью отвергаетъ мысль о возможности объяснить явленія жизни при помощи физико-химическихъ законовъ. „Я буду отвергать ту мысль, говорить онъ, до тѣхъ поръ, пока мнѣ не покажутъ организмъ, который искусственно приготовили изъ углеродистыхъ соединений, пока мнѣ не покажутъ фундаментальныя жизненныя явленія—питаніе и размноженіе... Кто считаетъ проявленія органической жизни идентичными съ неорганическими явленіями, тотъ ложно оцѣниваетъ сравнительную важность отличительныхъ признаковъ, тотъ глубоко заблуждается; онъ можетъ поэтому считать идентичными воду источника и шпатовую гору, такъ какъ въ обоихъ находится сѣрно-кислый кальцій. Жизнь со своими далеко возвышающимися надъ неорганическимъ міромъ свойствами, такъ же чужда области физико-химическихъ явленій, какъ, напр., невозможно произвести локомотивъ съ помощью однѣхъ физико-химическихъ силъ. Уже наличность смерти, какъ обратной стороны жизни, свидѣтельствующей о переходѣ организма въ область слѣпыхъ механическихъ силъ, есть одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ особаго самостоятельнаго начала жизни“¹⁾.

Однимъ изъ характернѣйшихъ свойствъ жизни является активность, т. е. способность организма самостоятельно реагировать на внѣшнія вліянія и произвольно распоряжаться этими вліяніями. Уже это одно свойство достаточно для того, чтобы оправдать наличность организующаго начала въ живомъ существѣ. По словамъ акад. Коржинскаго „сущность жизни заключается въ активной дѣятельности организма. Это свойство, это начало присуще плазмѣ. Его нельзя отнести къ химическимъ и физическимъ свойствамъ, такъ какъ оно поистинѣ творитъ явленія, не имѣющія аналогіи среди

¹⁾ А. Коржинскій. Что такое жизнь? Томскъ. 1888 г., стр. 22.

міра неорганическаго. Оно неразложимо на составные элементы и ускользаетъ пока отъ точнаго изслѣдованія. Это свойство мы можемъ назвать условно жизненной энергіей. Это не есть жизненная сила, не есть самобытный, неисчерпаемый источникъ силъ, свойственныхъ организму“. Примѣръ активной дѣятельности организма мы можемъ указать въ слѣдующихъ явленіяхъ жизни. Въ организмѣ мы наблюдаемъ циркуляцію крови. Съ внѣшней стороны это явленіе можно свести къ законамъ гидростатики, ибо кровь при движеніи остается абсолютно пассивной. Но, напр., активныя функціи сердца и мышечныхъ стѣнокъ сосудовъ никто не можетъ объяснить при помощи физическихъ законовъ. Точно также и процессъ дыханія съ внѣшней стороны требуютъ свести къ законамъ аэродинамики и это вѣроятно удастся. Но этимъ еще не будетъ уяснена сущность жизненнаго явленія. Что удивительнаго въ томъ, что раздувательный мѣхъ устремляетъ туда и обратно газъ по непреложнымъ законамъ динамики? Здѣсь предъ нами не жизненное явленіе, а чисто физическій процессъ. Важно въ данномъ случаѣ какъ произошли, какъ сохраняются органы, управляющіе этимъ явленіемъ въ жизни организма,—здѣсь обнаруживается дѣятельность и при томъ активная дѣятельность жизни, а газъ, при процессахъ движенія остается опять-таки абсолютно пассивнымъ. Гидростатическій или аэродинамическій законъ можетъ быть приложимъ къ явленію жизни и удовлетворительно объяснить его внѣшній ходъ и теченіе, но тотъ внутренній факторъ, который скрытъ за этой внѣшней послѣдовательностью явленій, не поддается никакимъ физическимъ экспериментамъ. Мы остановились болѣе подробно на этомъ характерномъ признакѣ живого въ виду того, что активность жизненныхъ явленій убѣдительнѣе всего указываетъ на наличность особой силы, управляющей явленіями жизни. Къ сожалѣнію, и этотъ характерный признакъ далекъ отъ того, чтобы считать его вполне точно выясненнымъ и строго формулированнымъ. По словамъ проф. Н. Bunge „активность и жизнь являются, быть можетъ, двумя словами для выраженія одного понятія, или вѣрнѣе, двумя словами, съ которыми у насъ не связано вполне точнаго представленія. И все-таки мы принуждены имѣть дѣло съ

этими неясными понятіями. Эта точка, гдѣ соприкасаются труднѣйшія проблемы, на которыхъ потерпѣли крушеніе всѣ мыслители¹⁾“.

Во всякомъ случаѣ сказаннаго нами вполне достаточно для того, чтобы признать наличность особаго начала, которое управляетъ явленіями жизни. Безъ этого начала мы не можемъ себѣ представить живыхъ существъ, оно настолько характерно для организма, что безъ него послѣдній обратился бы въ простую машину и не былъ бы способенъ возвыситься до высшихъ ступеней органическаго царства, до существъ чувствующихъ и обладающихъ извѣстной степенью разумности.

Намъ необходимо теперь сказать нѣсколько словъ о существѣ этого начала органической жизни и его отличительныхъ признаковъ.

Новѣйшія изслѣдованія по вопросу о сущности начала органической жизни даны въ трудахъ западныхъ ученыхъ Н. Driesch'a и I. Reinke.

Driesch сущность своихъ воззрѣній на органическую жизнь изложилъ въ послѣднемъ своемъ трудѣ: „Vitalismus als Geschichte und als Lehre (Leipz. 1905). Основные воззрѣнія Driesch'a на этотъ предметъ могутъ быть вкратцѣ изложены въ слѣдующемъ видѣ. Явленія жизни автономны. Эту мысль Driesch доказываетъ, ссылаясь на три основныхъ признака органической жизни: 1) на такъ назыв., перспективную потенцію, или совокупность возможныхъ направленій развитія, свойственныхъ организму; 2) на факты развитія сложныхъ частей организма изъ одной данной части и 3) на аналитическое изученіе движеній живого существа. Анализируя эти факты органической жизни, Driesch приходитъ къ признанію особаго „природнаго фактора“ органической жизни—энтелехіи. Энтелехія, по точному опредѣленію Driesch'a, не есть какое либо физико-химическое многообразіе, состоящее изъ ряда сложныхъ частей. Она есть природный факторъ *sui generis*; она выступаетъ на ряду съ извѣстнымъ въ физикѣ и химіи, какъ новая элементарная особенность... Слово энтелехія означаетъ самозаконность

¹⁾ G. Bunge. Vitalismus und Mechanismus. Leipzig 1886, p. 12.

(Eigengesetzlichkeit) живого тѣла, что въ болѣе широкимъ смыслѣ обозначаемъ тотъ природный агентъ, который въ ней обнаруживается ¹⁾“.

Нельзя не видѣть, что такое пониманіе сущности органической жизни, собственно говоря, ничего не даетъ для пониманія явленій жизни, какъ таковыхъ въ виду чрезвычайной отвлеченности самаго понятія энтелехіи. Но не должно забывать, что это понятія есть логическое слѣдствіе общихъ теоретико-познавательныхъ воззрѣній Driesch'a. Въ отношеніи къ естественно - научному познанію Driesch стоитъ на точкѣ зрѣнія Канта, считая возможнымъ построить „чистое естествознание“ на основѣ опредѣленныхъ апріорныхъ воззрѣній, постоянныхъ свойствъ вещей, или по характерному выраженію Driesch'a, константъ. Такіе константы имѣются для каждой данной науки и при ихъ помощи совершается объясненіе явленій. Для біологіи такой константъ есть энтелехія, исходя изъ которой и можно объяснять явленія жизни. „Энтелехія, говоритъ Дришъ, объясняетъ не больше, но и не меньше, чѣмъ всякая другая константа, напр., константа специфической теплоемкости ²⁾“. Что касается до отношенія энтелехіи къ энергіи, то Driesch полагаетъ, что можно говорить объ энергіи энтелехіи лишь постольку, поскольку она (энтелехія) регулируетъ, или компенсируетъ интенсивность жизненныхъ явленій. Такова вкратцѣ сущность воззрѣній Driesch'a на причину органической жизни.

Мы видимъ, что въ основу органической жизни Driesch полагаетъ энтелехію, которая является ближайшей причиной жизненныхъ явленій. Съ формальной стороны воззрѣнія Driesch'a безупречны. Онъ прекрасно выясняетъ намъ автономность жизненныхъ процессовъ, очень удачно синтезируетъ все недоступное въ жизни законамъ физики и химіи и объединяетъ ихъ въ одну константу—энтелехію. Но самое понятіе энтелехіи отличается необычайной искусственностью и абстрактностью. Впрочемъ, самъ Driesch называетъ свою энтелехію Kunst begriff. Какъ таковое оно, очевидно, не можетъ быть пригодно для естественно-научнаго изученія жизни.

¹⁾ H. Driesch. Vitalismus a. Gesch. u. a. Lehre. pp. 208, 242.

²⁾ H. Driesch. Vitalismus a. Gesch. u. a. Lehre. p. 232. 6

По словамъ самого Driesch'a „хотѣть представить энтелехію по существу невозможно, вопросъ о мѣстѣ ея нахождения—праздный вопросъ“¹⁾. Очевидно, что въ такомъ видѣ энтелехіа можетъ быть пригодна лишь для абстрактнаго мышленія, но не для фактическаго изученія явленій жизни. Приемы и методы изслѣдованія точныхъ наукъ совершенно чужды Driesch'у и поэтому сомнительно, чтобы его энтелехіа могла имѣть значеніе въ качествѣ рабочей гипотезы. По справедливому замѣчанію проф. Schneider'a „сама по себѣ энтелехіа Driesch'a, безъ допущенія особой, спеціальной жизненной энергіи, есть какъ-бы нѣкоторый научный торсъ, съ помощью котораго едва-ли можно удовлетворительно объяснить явленія жизни. Истинный витализмъ, кромѣ энтелехіи, долженъ признавать также и жизненную энергію, которая фактически управляетъ жизненными явленіями, а не носить лишь придаточный характеръ къ энтелехіи, въ противномъ случаѣ витализмъ будетъ бесплодно парить въ пространствѣ и не устоитъ противъ критики механистовъ“²⁾. И дѣйствительно, въ борьбѣ съ механистическимъ міровоззрѣніемъ, которое стоитъ на почвѣ реальныхъ фактовъ и эмпирическаго изученія жизни, энтелехіа Driesch'a едва-ли можетъ оказаться вѣрнымъ и надежнымъ спутникомъ витализма. Наконецъ, должно сказать еще и то, что самый терминъ энтелехіа, какъ мы видѣли, очень недостаточно выясненный у Аристотеля, наполняется Driesch'емъ, такъ сказать, совершенно произвольнымъ содержаніемъ, чѣмъ создается поводъ для злоупотребленія этимъ терминомъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ, что мы и видимъ въ дѣйствительности. Проф. Schneider называетъ нѣсколько изслѣдователей, которые до крайности расходятся въ пониманіи этого термина, чѣмъ вносится полнѣйшій произволъ въ научное изслѣдованіе жизни³⁾. Если бы самый терминъ энтелехіи былъ точно установленъ,—тогда можно было бы оперировать этимъ понятіемъ вполне свободно, не рискуя попасть на очень скользкій и ненадежный путь гипостазированія понятій.

¹⁾ H. Driesch. Vitalismus a. Gesch. u. a. Lehre. p. 233.

²⁾ K. Schneider. Grundgesetze Deszendenztheorie. p. 188—189.

³⁾ K. Schneider p. 182.

Воззрѣнія проф. I. Reinke на сущность жизненныхъ процессовъ не отличаются такой отвлеченностью и логической тонкостью, какъ воззрѣнія Н. Driesch'a, но Reinke идетъ тѣмъ же путемъ, что и онъ, стараясь выработать опредѣленные логическія понятія, подъ которыя и подводятся опредѣленные явленія жизни. Вотъ вкратцѣ воззрѣнія Reinke на сущность жизненныхъ процессовъ. Исходя изъ понятія силы, какъ способности вызывать явленія, Reinke приходитъ къ признанію опредѣленнаго ряда силъ, направляющихъ жизнь организма въ извѣстномъ направленіи, это такъ называемыя формующія силы — *Formkräfte* ¹⁾. Затѣмъ далѣе проф. Reinke устанавливаетъ еще особыя системныя силы (*Systemkräfte*), которыя опредѣляютъ собой направленіе, въ которомъ расходуется энергія для достиженія опредѣленнаго эффекта; такъ напр., системныя силы приводятъ въ часахъ въ движеніе часовую стрѣлку ²⁾. Изслѣдуя далѣе явленія жизни, Reinke приходитъ къ убѣжденію, что „въ организмѣ направленіе процессовъ зависитъ отъ структуры организма, условій его системы, которыя аналогичны съ машинными“ ³⁾.

Дальнѣйшія разсужденія Reinke построены на аналогіи организмовъ съ машинами. Какъ причиной конструкціи машинъ служитъ работа техника, такъ и развитіемъ живого существа, начиная съ зародыша и до взрослого человѣка руководятъ особыя силы, которыя Reinke называетъ „доминантами“.

Что такое „доминанты“? Это—направляющія силы въ организмѣ. „Я понимаю подъ ними, говоритъ Reinke, проявляющееся въ организмахъ принужденіе, которое управляетъ находящимися въ его распоряженіи энергіями подобно тому, какъ дѣлаетъ это въ своихъ орудіяхъ и машинахъ человѣкъ, а такъ какъ это принужденіе, это насиліе могутъ быть весьма разнообразными, то приходится употреблять прилагаемое ему обозначеніе во множественномъ числѣ... Такимъ образомъ, доминанты суть символы явленій... Мы можемъ познавать доминанты такъ же, какъ и молеку-

¹⁾ I. Reinke. *Philosophie der Botanik*. Leipzig. 1905, p. 40.

²⁾ Ibidem., p. 46.

³⁾ Ibid. p. 40.

лярныя силы, единственно лишь по ихъ дѣйствіямъ... Мнѣ доминанты кажутся необходимымъ средствомъ для представленія себѣ фізіологическихъ процессовъ, совершенно подобно тому, какъ механическія понятія оказываются средствами представленія себѣ механическихъ явленій“¹⁾. Доминанты строятъ весь организмъ, всю его структуру, объединяя въ себѣ весьма сложный комплексъ внутреннихъ образующихъ причинъ живого существа. Такова сущность воззрѣній Reinke на сущность органическихъ процессовъ.

Нельзя не замѣтить близкаго родства этой теоріи доминантъ съ энтелехіей Driesch'a: та же искусственность въ образованіи понятій, та же символика, которая должна обозначать нѣчто, по существу своему не поддающееся точному пониманію самого автора. Вѣдь Reinke въ тѣхъ мѣстахъ своего труда, гдѣ онъ говоритъ о доминантахъ, не даетъ вполне точнаго и опредѣленнаго представленія объ этихъ силахъ, ограничиваясь лишь сравненіями или отдаленными намеками. Въ особенности часто Reinke сравниваетъ доминанты съ разумной дѣятельностью техника, устрояющаго машину и въ этомъ смыслѣ доминанты могутъ быть названы „интеллектуальной силой“ организма. Ничего больше о сущности доминантъ мы не знаемъ: какъ доминанты дѣйствуютъ на матеріальное строеніе организма, принадлежатъ-ли они къ матеріальнымъ, или психическимъ силамъ—ничего этого неизвѣстно и намъ приходится вѣрить автору на слово въ его разсужденіяхъ о дѣятельности доминантъ.

Изъ этого краткаго обзора воззрѣній новѣйшихъ ученыхъ на сущность жизни видно, съ какими необычайными трудностями сопряжены попытки научно обосновать явленія жизни въ опредѣленной системѣ, какъ трудно найти для жизненнаго принципа вполне точный терминъ и надѣлать его соотвѣтствующими свойствами.

Исслѣдователи, пытающіеся надѣлать причину органической жизни опредѣленными свойствами, всегда впадаютъ въ погрѣшности. Они ограничиваются или построеніемъ однихъ лишь абстрактныхъ понятій, которыя, при ближайшемъ экспериментальномъ изученіи жизненныхъ явленій,

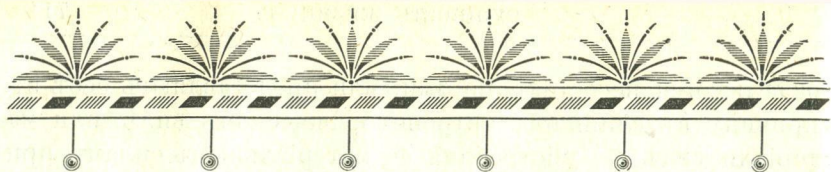
¹⁾ I. Reinke. Die Welt als That. Berlin. 1903. pp. 201—209.

оказываются несостоятельными, или представляют себѣ эту причину въ слишкомъ антропоморфическомъ видѣ, или матеріализуютъ ее, употребляя ее матеріальнымъ силамъ природы, или наконецъ, слишкомъ индивидуализируютъ ее, чѣмъ затрудняютъ пониманіе частныхъ измѣненій органической жизни: роста, убыли, дѣленія, сліянія и т. п. Эти ложные пути въ изслѣдованіи жизненнаго принципа приводятъ къ безвыходнымъ затрудненіямъ и даютъ механизму возможность оспаривать его основныя положенія.

Свящ. Михаилъ Струминскій.

(Окончаніе будетъ).

Воспоминанія о Кіевской Духовной Академіи. (1852—1862 г.г.).

І. Инспекторство архимандрита Леонтія въ Кіевской духовной академіи.

Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1913 годъ въ октябрьской книжкѣ напечатаны замѣтки и воспоминанія Леонтія, бывшаго митрополита московскаго, о его инспекторствѣ въ Кіевской духовной академіи. Не входя въ подробный разборъ этихъ воспоминаній, нельзя не обратить вниманія на тѣ мѣста, въ которыхъ самъ митрополитъ Леонтій описываетъ свое инспекторство въ Кіевской духовной академіи.

Я, какъ воспитанникъ Кіевской академіи этого времени, считаю долгомъ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ относительно того времени, къ которому относятся воспоминанія и, во-первыхъ, установить правильный взглядъ на предшественника о. Леонтію архимандрита Даніила, во-вторыхъ, на самое инспекторство архимандрита Леонтія.

О предшественникѣ своемъ, архимандритѣ Даніилѣ, Леонтій отзывался слѣдующимъ образомъ: что онъ былъ „аскетъ по жизни, держалъ себя странно, по временамъ просто юродствовалъ, и *при немъ инспекція упала*“. На такой взглядъ на архимандрита Даніила должно сказать, что онъ схваченъ съ чужихъ словъ. Архимандритъ Леонтій о. Даніила не только не зналъ, но даже и не видѣлъ, а передалъ о немъ взглядъ людей, не понимавшихъ Даніила.

Архимандритъ Даніилъ былъ ученикомъ оптинскихъ подвижниковъ и въ особенности старца Леониды.

Архимандритъ Даніилъ, по словамъ Василя Оедоровича Пѣвницкаго, „былъ преподавателемъ калужской семинаріи. Изъ Калуги (говорило намъ преданіе) онъ пришелъ въ Кіевъ пѣшкомъ на богомолье, будучи въ то время только іеромонахомъ“. Намѣстникъ лавры, архимандритъ Лаврентій, узнавъ Даніила въ числѣ богомольцевъ, доложилъ о немъ митрополиту Филарету, который оставилъ его при академіи. Въ 1850 году опредѣлилъ Даніила инспекторомъ академіи. Даніилъ былъ строгій монахъ-аскетъ.

„Это его аскетическое направленіе давало особое направленіе его лекціямъ. Обладалъ онъ богатыми свѣдѣніями, въ особенности былъ начитанъ въ отеческой литературѣ, и его многопознаніе обнаружилось предъ слушателями на его урокахъ. Обильныя идеи, гнѣздившіяся въ головѣ его, часто изливались у него не очень стройными рядами, давая и опережая одна другую. Желая передать слушателямъ побольше свѣдѣній и сужденій, онъ поспѣшно, не соблюдая строгой послѣдовательности, переходилъ отъ одной мысли къ другой, и выходило смѣшеніе цѣнныхъ матеріаловъ, которое нарушало единство впечатлѣнія. Еслибы тотъ же обильный умственный матеріалъ предлагаемъ былъ въ болѣе систематизированномъ логически упорядоченномъ видѣ, впечатлѣніе отъ уроковъ Даніила было бы сильное и воспроизведеніе ихъ болѣе отчетливое.

Рационализмъ онъ считалъ источникомъ всяческихъ заблужденій, влекущихъ человѣка на пути погибельные, и отъ заразы рационализмомъ, какъ опасною язвою, онъ считалъ священнымъ долгомъ предостерегать всѣхъ, въ особенности учащихся юношей. Стоило, бывало, навести его на мысль о рационализмѣ какимъ нибудь намекомъ, какъ онъ начнетъ въ длинныхъ горячихъ рѣчахъ нападать на это направленіе, уклоняющее насъ отъ вѣры.

Другая губительная сила, съ которой Даніилъ побуждалъ студентовъ всемѣрно бороться,—это страсти. Отъ страстей, по его выраженію, все зло, какое только постигаетъ человѣка. Заболѣваетъ ли кто изъ студентовъ, Даніилъ въ страстяхъ указываетъ причину болѣзней, тѣлесныхъ и душевныхъ, и совѣтовалъ беречься страстей, растлѣвающихъ наше тѣло и нашу душу. Совершить ли кто неблаговидный поступокъ, опять рѣчь о страстяхъ и совѣтъ бороться съ

ними. Постигнетъ ли кого-либо какое-нибудь несчастье,—это наказаніе Божіе человѣку, поддавшемуся страстямъ. Святые люди боролись съ своими страстями и побѣждали ихъ, говорилъ архимандритъ Даніилъ, и тѣмъ благоугождали Богу. Самъ Даніилъ испытывалъ на себѣ давленіе страстей и борьбу съ ними, небезуспѣшную считалъ главнымъ подвигомъ своей личной аскетической жизни.

Преемникъ его, архимандритъ Леонтій, такого направленія Даніила и вліянія его на студентовъ академіи своего времени не понималъ.

Бывало Даніилъ отдастъ студентамъ свои лекціи (печатныхъ учебниковъ у насъ не было), затѣмъ ночью вспомнить, что въ его лекціи вкралась неточность и, какое бы ни было позднее время, стучалъ въ комнату къ студенту, взявшему лекціи, будилъ его и при этомъ извинялся, что онъ проситъ возвратить ему лекціи для поправки.

Вечеромъ Даніилъ обходилъ студенческія помѣщенія въ то время, когда студенты улеглись спать. Спавшихъ онъ не беспокоилъ, но если кого находилъ въ комнатѣ занимающимся дѣломъ, говорилъ:—„Блаженъ человѣкъ его же обрящетъ бдяща“,—и съ этими словами, благословивъ студента, оставлялъ его за занятіями.

Всякій формализмъ въ сношеніяхъ инспектора Даніила со студентами былъ устраненъ. Отношеніе инспектора и студентовъ были основаны на глубокомъ знаніи человѣческаго сердца. Предъ всеночнымъ бдѣніемъ мы собирались въ столовую, къ намъ приходилъ отецъ Даніилъ; вмѣсто какихъ бы то ни было рѣчей говорилъ намъ краткое, но сильное по духу назиданіе. Выслушавъ его, мы за нимъ молчали въ храмъ Божій. Почти не было случая, чтобы кто нибудь изъ студентовъ уклонился отъ посѣщенія храма во время всеночной или литургіи.

Литургію, впрочемъ, Даніилъ очень часто служилъ съ митрополитомъ Филаретомъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, и послѣ литургіи студенты видѣли, какъ отецъ инспекторъ, закрывъ архимандричій крестъ, висѣвшій у него на груди, боковыми улицами пѣшкомъ возвращался изъ лавры.

Въ лавру онъ ѣздилъ на лошадахъ, но чтобы не томить кучера и лошадей, отсылалъ ихъ въ академію.

Въ домашней жизни о. инспекторъ Даніилъ также былъ простъ и доступенъ. Входить къ нему студентъ могъ когда угодно. Единственной прислугой у него былъ старый солдатъ „временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма“.

Солдатъ этотъ былъ высокаго роста, одѣвался въ простую бѣлую рубаху и широчайшія шаровары. Онъ никогда ни о комъ отцу инспектору не докладывалъ. И когда приходилъ студентъ, онъ входилъ въ гостинную, оттуда въ кабинетъ и, если тамъ не находилъ отца инспектора, шелъ въ спальню. Въ спальнѣ была единственная кровать безъ матраца и подушекъ, на ней лежала масса книгъ и между ними замѣтно было то мѣсто, на которомъ почивалъ во время сна отецъ Даніилъ.

Отецъ Даніилъ имѣлъ тотъ же столъ, который готовили студентамъ-монахамъ. Раздѣлялъ пищу съ нимъ его прислужникъ, и при этомъ оба удивлялись, какъ хорошо кормятъ студентовъ.

Въ свободное время отецъ Даніилъ часто ходилъ по аллеямъ братскаго монастыря, при этомъ его сопровождалъ кто нибудь изъ студентовъ и о. Даніилъ велъ съ своимъ спутникомъ бесѣду, касающуюся подвижнической жизни.

Неудивительно послѣ этого, что преемникъ Даніила, архимандритъ Леонтій, зная по наслышкѣ объ отцѣ Даніилѣ, высказываетъ удивленіе, что 16 курсъ былъ хорошъ, даровать, что изъ этого курса вышли студенты, отличавшіеся религіознымъ направленіемъ, а о вольнодумствѣ и легкомысленной фанаберіи и рѣчи не было.

О. Леонтій, какъ видно это изъ записокъ, приписываетъ это своему вліянію, забывъ то, что онъ 16-му курсу самъ обѣщалъ не вводить новыхъ порядковъ до слѣдующаго курса. Выходитъ—Леонтій въ одно и то же время хвалитъ направленіе студентовъ Кіевской академіи и въ то же время обѣщалъ съ новаго курса начать новые порядки, какими приходилось улучшать. Такимъ образомъ, въ отзывахъ о. Леонтія проглядываютъ ясныя противорѣчія самому себѣ. Если эти порядки архимандритъ Леонтій находилъ хорошими, то почему же было обѣщать заводить какіе-то новые. Дѣйствительно онъ завелъ съ 17 курса, но такіе порядки,

которые съ его инспекторства не ставили академію выше того строя, который далъ было академіи мнимо юродивый архимандритъ Даніилъ.

Въ 1852 году о. архимандритъ Даніилъ былъ назначенъ ректоромъ Екатеринославской духовной семинаріи.

При отъѣздѣ изъ Кіева наняли для него жидовскую фуру (балагулу); въ нее сложили книги—единственное имущество о. Даніила; тамъ же помѣстился и о. ректоръ.

Не долго жилъ онъ. Спасая больныхъ учениковъ семинаріи отъ холеры, онъ заразился ею, умеръ и погребенъ на городскомъ кладбищѣ.

Вѣчная память великому подвижнику.

Объ инспекторствѣ архимандрита Леонтія болѣе всѣхъ насъ зналъ Василиій Ѳеодоровичъ Пѣвницкій.

У инспектора Леонтія была привычка являться къ студентамъ и посѣщать всѣ ихъ комнаты послѣ возвращенія своего откуда нибудь изъ гостей. Эти посѣщенія онъ дѣлалъ въ весьма благодушномъ настроеніи. Если же студенты легли спать, то архимандритъ Леонтій ихъ не беспокоилъ болѣе, а приглашалъ къ себѣ или В. Ѳ. Пѣвницкаго или студента О. Надеждина—брата ректора семинаріи архим. Нектарія. Съ тѣмъ или другимъ онъ бесѣдовалъ очень долго и вполне откровенно, сообщая имъ все то, что зналъ объ академическомъ начальствѣ, корпораціи преподавателей и о жизни студентовъ, причемъ предупреждалъ, чтобы они слышаннаго никому не говорили. На другой день Пѣвницкій или Надеждинъ передавали намъ, товарищамъ, все то, что слышали отъ инспектора.

Воззрѣнія о. Леонтія, по словамъ В. Ѳ. Пѣвницкаго, были болѣе умѣренны и мягки, чѣмъ воззрѣнія Даніила; аскетическое напряженіе онъ не выставлялъ, какъ обязательное для всѣхъ правило. Въ раскрытіи и уясненіи христіанскаго нравоученія никакихъ характерныхъ особенностей у него не было. Въ изложеніи науки, ему порученной, шелъ обычнымъ путемъ, руководствуясь готовыми системами, не русскими только, но и иностранными. Чужія руководства были только пособіемъ.

Лекціи о. Леонтія напечатаны въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, и каждый, прочитавши ихъ, можетъ убѣдиться въ томъ, что онѣ не отличались ни глубиною воззрѣнія, ни ши-

ротою мысли. Это самый заурядный семинарскій курсъ, которымъ мы, слушавшіе его, сравнивая съ глубокими взглядами предшественника его, архимандрита Даниїла, не были удовлетворены.

Со вступленіемъ архимандрита Леонтія на должность инспектора Кіевской духовной академіи поступленіе студентовъ въ монашество прекратилось на очень долгое время. Принимали монашество только священники—монахи по неволѣ, а свѣтскіе студенты уклонялись отъ монашества.

Такимъ образомъ при юродивомъ Даниїлѣ стремленіе къ аскетизму среди студентовъ процвѣтало, съ введеніемъ новыхъ порядковъ при Леонтіи поступленіе въ монашество, какъ выше замѣчено, прекратилось на долго.

2. Взглядъ архимандрита Леонтія на ректора академіи, архимандрита Антонія (Амфитеатрова).

Насколько невѣренъ взглядъ архимандрита Леонтія на своего предшественника по инспекторству, архимандрита Даниїла, настолько же полонъ противорѣчій взглядъ его на ректора академіи, архимандрита Антонія Амфитеатрова.

По словамъ замѣтокъ, при Антоніи порядокъ въ академіи во всѣхъ отношеніяхъ соблюдался строго и стройно. Отношенія его къ воспитанникамъ-студентамъ и преподавателямъ отличались сердечностью и близостью. Въ то же время, по словамъ тѣхъ же замѣтокъ, Антоній обладалъ духовною гордостью, ему вредившею, доставало Антонію спокойнаго отношенія къ дѣлу, частенько и постоянства въ характерѣ. Зато при своемъ горячемъ характерѣ, онъ умѣлъ себя сдерживать и не былъ мстителенъ. Можно было упрекнуть его въ нѣкоторомъ пристрастіи къ извѣстнымъ лицамъ и довѣрчивости къ людямъ не совсѣмъ благонамѣреннымъ.

Въ этихъ отзывахъ даже при самомъ поверхностномъ изученіи характеровъ Антонія и Леонтія нельзя не видѣть явныхъ противорѣчій. Можно ли было установить въ академіи добрыя отношенія къ студентамъ и преподавателямъ, можно ли было, чтобы все въ академіи шло строго и стройно при такихъ чертахъ характера начальника заведенія, ка-

кія приписываетъ ректору академіи, Антонію, архимандритъ Леонтій?

Не распространяюсь. Нахожу лишнимъ распространяться о ректорѣ Антоніи и его дѣятельности въ академіи при той характеристикѣ, какая дана В. Θ. Пѣвницкимъ въ его воспоминаніяхъ.

Не могу только не замѣтить, что архимандритъ Леонтій въ своемъ отзывѣ о составленіи Догматическаго богословія, какое было долгое время учебникомъ семинаріи, представилъ дѣло какъ то не ясно и спутанно.

Мы, воспитанники семинаріи 40-хъ и 50-хъ годовъ, не имѣли печатныхъ руководствъ почти ни по одному предмету. Въ старшихъ классахъ были введены учебники—въ старшихъ классахъ былъ введенъ учебникъ исторіи, двухтомная исторія церкви, сочиненія Иннокентія, епископа Пензенскаго; по исторіи русской церкви—исторія Муравьева; по нравственному богословію—черты дѣятельнаго ученія вѣры протоіерея Кочетова, жалкая передѣлка изъ Буддея. По логикѣ, психологіи, словесности учебниковъ не было. По гражданской исторіи учебникъ Шрекка и т. д.

У учениковъ семинаріи и студентовъ академіи все почти время поглощалось списываніемъ лекцій наставниковъ семинаріи и профессоровъ академіи. Для чтенія и занятія не было времени. Такая метода преподаванія введена была и поддерживалась въ оберъ-прокурорство графа Протасова, вмѣстѣ со своими сотрудниками, изъ которыхъ директоръ Св. Синода Сербиновичъ былъ потаенный католикъ. Остальные—Франкъ Карасевскій и другіе дѣйствовали въ томъ же духѣ. Они учредили духовно учебное управленіе вмѣсто комиссіи духовныхъ училищъ и дѣлали по отношенію къ семинаристамъ и академіи все, чтобы не дать воспитанникамъ этихъ учебныхъ заведеній заняться дѣломъ и развиться для пользы церкви.

Списываніе учебниковъ, зубристика ихъ убивали всякую живую мысль. Даже такіе учебники какъ латинское сочиненіе Августина „О Градѣ Божіемъ“, твореніе Цицерона „De officiis“, были списываемы учениками семинаріи.

Нѣкоторые изъ ректоровъ семинаріи тяготились такимъ положеніемъ дѣла, и Антоній Амфитеатровъ положилъ

начало замѣненія записокъ составленіемъ руководства подъ названіемъ Догматическое Богословіе.

Противъ Антонія въ томъ же Кіевѣ нѣкоторые недоброжелатели пустили молву, что Догматическое Богословіе составлено дядей Антонія Яковомъ Кузьмичемъ Амфитеатровымъ. Другіе приписывали его лекціи Филарету, митрополиту Кіевскому. Первое изданіе учебника Антонія напечатано въ Лаврѣ. И не смотря на то, что Антоній былъ племянникъ митрополита Филарета, вліятельнаго въ епархіи и въ лаврѣ лица, успѣли выбрать такой шрифтъ (буквы съ росчерками), которымъ вмѣсто „богословіе“ напечатано было „ворословіе“. Антоній по своему добродушію и своей искренности этого не замѣтилъ.

Слухъ о томъ, что Догматическое Богословіе составлено митрополитомъ Филаретомъ, раздѣлялъ, какъ видно, и архимандритъ Леонтій и въ своихъ замѣткахъ высказываетъ, что это ему сообщилъ самъ митрополитъ Филаретъ.

Я съ 1862 по 1866 годъ былъ близокъ къ Антонію. Передавая мнѣ многія событія изъ своего прошлаго, Антоній разъ заговорилъ о составленіи Догматическаго Богословія и при этомъ сказалъ, что Догматическое Богословіе составлено имъ, затѣмъ разсматривалъ его митрополитъ Кіевскій Филаретъ, потомъ послано было для просмотра Филарету, митрополиту московскому, и по его замѣчаніямъ Антоніемъ были сдѣланы исправленія. По исправленіи, Догматическое Богословіе передано было Григорію, архіепископу Казанскому; тотъ въ свою очередь сдѣлалъ много новыхъ замѣчаній и согласно послѣднимъ пришлось не мало передѣлывать Догматическое Богословіе. При этомъ Антоній показывалъ мнѣ самыя замѣчанія Филарета и Григорія и прибавилъ, — мнѣ такъ надоѣло дѣлать эти исправленія въ своемъ трудѣ, что я хотѣлъ было совсѣмъ отказаться отъ мысли составить Догматическое Богословіе.

Вся эта переписка объ исправленіи Догматическаго Богословія по замѣчаніямъ Филарета, митрополита московскаго и Григорія, архіепископа казанскаго, происходила до выхода въ свѣтъ перваго печатнаго изданія Догматическаго Богословія въ 1848 году.

Слѣдовательно, исправленія Догматическаго Богословія, по замѣчанію Григорія, никакъ не могли быть посланы въ

Синодъ при Леонтіи, и слѣдовательно этотъ фактъ,—представленіе отвѣта Антонія въ Синодъ чрезъ митрополита Филарета Кіевскаго, чистое недоразумѣніе.

Психологически этотъ фактъ легко объяснимъ. Митрополитъ Леонтій въ своемъ воспоминаніи о Филаретѣ, митрополитѣ Кіевскомъ, подбиралъ событія изъ его жизни, свидѣтельствующія о его близости къ митрополиту. О. Леонтій часто служилъ съ митрополитомъ, обѣдалъ у него, возилъ къ нему бумаги правленія. Измѣнившая ему память, въ то время, когда онъ писалъ свои записки, смѣшала кіевскую сплетню съ событіемъ выпуска въ свѣтъ Догматическаго Богословія. И вотъ потому-то о. Леонтій и допустилъ такой анахронизмъ, что замѣтки на Догматическое Богословіе написанныя авторомъ до 48 года, отнесъ къ 60-мъ годамъ, когда онъ былъ инспекторомъ академіи. При этомъ нельзя не замѣтить относительно языка (стиля) Догматическаго Богословія архимандрита Антонія, который совсѣмъ не имѣетъ никакого сходства ни съ устными бесѣдами митрополита Филарета кіевскаго, которыя мы слышали отъ него на экзаменѣ, о чемъ упоминаетъ и митрополитъ Леонтій въ своихъ замѣткахъ, и съ проповѣдями того же святителя, напечатанными въ отдѣльномъ изданіи. Языкъ Догматическаго Богословія—точный, стройный, совершенно вѣрный священному писанію, не имѣетъ никакого сходства съ бесѣдами митрополита Филарета на первыя главы евангелія Матвея.

Феофанъ Доброленскій.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Декабря

№ 23

1914 года.

Содержаніе. Высочайшая награда.—Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.—Отъ Романовскаго комитета.—Богослужебные запросы.—Помогите родной Галичинѣ!—Отъ Правленія Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской духовной семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Св. Синода, во 2-й день октября с. г. Всемиловитѣйше соизволилъ на сопричисленіе за 50-лѣтнюю отлично-усердную службу Церкви Божіей къ ордену **св. Владиміра 4-й ст.** священника при Клеменовской богадѣльнѣ г. Харькова *Іоанна Мантулина*.

Копія.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,

По Указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенное Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, отъ 19 Ноября 1914 г. за № 12788, отношеніе за Министра Внутреннихъ Дѣлъ Товарища Министра, отъ 15 того же Ноября за № 39140, въ коемъ изложено, 1) что съ 1 Февраля по 5 Марта 1915 г. имѣется въ виду произвести досрочный призывъ новобранцевъ 1915 г., при чемъ предполагается установить слѣдующія правила: 1) Отерочки для окончанія образованія лицамъ, обучающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и подлежащимъ призыву къ исполненію воинской повинности въ 1915 году, будутъ предоставляться на общихъ, изложенныхъ въ статьѣ 61 и прим. 1 къ ней Уст. Воин. Пов. (по Прод. 1912 года и по Своду) основаніяхъ, но тѣмъ изъ призывныхъ 1915 года, кои оканчиваютъ курсъ въ томъ же году, отерочки будутъ даваться до 1 числа мѣсяца, слѣдующаго за сдачей выпускныхъ или государственныхъ экзаменовъ,

или за выбытіемъ ихъ изъ учебнаго заведенія до окончанія курса. 2) Отсрочки, предоставленныя въ предшествующіе призывы молодымъ людямъ, состоящимъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, либо получившимъ выпускныя свидѣтельства изъ Императорскихъ университетовъ и оканчивающимъ образованіе въ 1915 году, сохраняютъ силу лишь до 1 числа мѣсяца, слѣдующаго за сдачей ими выпускныхъ или государственныхъ экзаменовъ, или за выбытіемъ ихъ изъ учебныхъ заведеній до окончанія курса. 3) Отсрочки для окончанія образованія лицамъ, обучающимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и подлежащимъ призыву къ исполненію воинской повинности въ 1915 году, будутъ назначаться на основаніи статей 61—61³ Уст. Воин. Пов. (по Прод. 1912 года). 4) Для лицъ, призываемыхъ въ 1915 году и оканчивающихъ въ томъ же году курсъ средняго учебнаго заведенія, отсрочки будутъ даваться до 1 числа мѣсяца, слѣдующаго за окончаніемъ выпускныхъ экзаменовъ, или до выбытія ихъ изъ учебныхъ заведеній ранѣе окончанія курса. До того же срока предположено сохранить дѣйствіе отсрочекъ, предоставленныхъ въ прежніе призывы лицамъ, состоящимъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и оканчивающимъ оныя въ 1915 году. 5) Указанныя въ пунктѣ 4 лица, въ случаѣ желанія ихъ поступить въ высшія учебныя заведенія, будутъ обязаны заявить о семъ до истеченія срока разрѣшенной имъ отсрочки (п. 4) подлежащимъ уѣзднымъ (окружнымъ) и городскимъ воинскимъ присутствіямъ по мѣсту приписки ихъ къ призывному участку, а затѣмъ подать до 1 Октября 1915 года въ эти присутствія прошенія о продленіи имъ отсрочки по воинской повинности согласно пунктамъ 2 или 3 ст. 61 Уст. Воин. Повин., по прод., съ приложеніемъ удостовѣренія подлежащаго учебнаго начальства о поступленіи ихъ въ высшее учебное заведеніе. Лица, не поступившія до 1 Октября 1915 года въ высшія учебныя заведенія и не возбуждившія ходатайства объ отсрочкѣ для окончанія образованія, подлежатъ безотлагательному привлеченію къ исполненію воинской повинности. 6) Въ отношеніи лицъ, обучающихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (прилож. къ ст. 61, Второй разрядъ), предпологается установить, что тѣ изъ нихъ, кои оканчиваютъ курсъ въ 1915 г. и въ томъ же году подлежатъ призыву, могутъ воспользоваться отсрочками по воинской повинности до 1 числа мѣсяца, слѣдующаго за окончаніемъ курса или выбытіемъ ихъ изъ учебнаго заведенія. Для сего лица эти обязаны обращаться съ прошеніями въ подлежащія присутствія по воинской повинности, представивъ при этомъ удостовѣренія своихъ учебныхъ начальствъ о времени предсто-

ящаго окончанія ими курса. 7) Срокомъ подачи лицами, подлежащими призыву въ 1915 г., прошеній о предоставленіи имъ отсрочекъ для окончанія образованія въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведенійхъ (п. п. 1, 3 и 6) назначается 1 Января 1915 г.; послѣ этого срока и до 1го Февраля заявленія объ отсрочкѣ будутъ воинскими присутствіями приниматься лишь въ случаѣ представленія заявляющими уважительныхъ причинъ просрочки. 8) Изложенные въ пунктахъ 1—7 правила и сроки подлежатъ примѣненію и въ отношеніи молодыхъ людей, получившихъ отсрочки для окончанія образованія въ порядкѣ ст. 61⁵ Уст. о Воин. Пов. (по Прод. 1912 г.), или коимъ отсрочки были даны въ изъятіе изъ общихъ правилъ. 9) Молодые люди, обучающіеся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведенійхъ и подлежащіе по возрасту призыву въ 1915 г., въ случаѣ желанія ихъ исполнить воинскую повинность на правахъ вольноопредѣляющихся, обязаны заявить о семъ одновременно съ испрошеніемъ отсрочки для окончанія образованія, при томъ не позднѣе 1 Января 1915 года. 10) Лица, оканчивающія въ 1915 г. медицинское, ветеринарное или фармацевтическое образованіе и подлежащія поступленію въ войска на правахъ вольноопредѣляющихся, будутъ приниматься въ установленный въ законѣ (ст. 196¹, п. I Уст. Воин. Пов., по Прод. 1912 г.) пріемный періодъ съ 15 по 31 Декабря 1915 года. 11) Лица съ инымъ образованіемъ, обязанныя исполнить воинскую повинность вольноопредѣляющимися и состоящія ко времени наступленія общаго призыва новобранцевъ (1 Февраля 1915 года) въ учебныхъ заведенійхъ, подлежатъ пріему въ войска съ 15 по 30 Іюня 1915 года (ст. 196¹, п. 2 Уст. Воин. Пов., по Прод.). 12) Не пользующіеся отсрочками для окончанія образованія и не состоящіе въ учебныхъ заведенійхъ молодые люди, подлежащіе поступленію въ войска вольноопредѣляющимися въ 1915 году, будутъ приниматься въ общій призывъ новобранцевъ 1915 года (съ 1 Февраля по 5 Марта), при чемъ заявленія о семъ должны подаваться подлежащему воинскому присутствію до 1 Января, съ представленіемъ документовъ, перечисленныхъ въ ст. 197¹ Уст. Воин. Пов. (по Прод. 1912 года). 13) Лица, подлежащія исполненію воинской повинности вольноопредѣляющимися и изъявившія желаніе по случаю войны нынѣ же поступить на дѣйствительную военную службу, согласно Высочайшему повелѣнію 22 Іюля 1914 года, подлежатъ пріему воинскими присутствіями во всякое время—въ указанныхъ въ пунктахъ 10—12 срокахъ. 14) Лица, получившія въ предшествующіе призывы отсрочку для окончанія образованія, дѣйствіе коей пре-

кращается въ 1915 году, въ случаѣ ихъ желанія измѣнить, въ силу ст. 3 приложъ къ ст. 1 (прим.) Уст. Воин. Пов., по Прод. 1912 года, избранный ими способъ исполненія воинской повинности, обязаны заявить о семъ подлежащимъ присутствіямъ по воинской повинности не позднѣе 1 Февраля 1915 года, и II) что принимая во вниманіе краткость остающагося до призыва срока, Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Военнымъ Министромъ, просить преподать нынѣ же изложенныя выше указанія и разъясненія учебнымъ заведеніямъ духовнаго вѣдомства, предложивъ начальствамъ сихъ заведеній поставить въ извѣстность учащихъ о нижеслѣдующемъ: 1) Лицамъ, подлежащимъ по возрасту призыву къ исполненію воинской повинности въ 1915 году (т. е. тѣмъ, кому къ 1 Января 1915 года исполнилось 20 лѣтъ) и обучающимся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, для полученія отсрочекъ для окончанія образованія надлежитъ до 1 Января 1915 года подать прошеніе о семъ уѣздному (окружному) или городскому по воинской повинности присутствію по мѣсту приписки ихъ къ призывному участку, съ приложеніемъ свидѣтельства о продолженіи образованія отъ начальства того учебнаго заведенія, въ коемъ заявитель обучается, и съ объясненіемъ, желаютъ-ли они отбыть воинскую повинность по жребію или вольноопредѣляющимися. 2) До того же срока (1 Января 1915 года) надлежитъ подавать прошенія въ уѣздныя (окружныя) и городскія воинскія присутствія тѣмъ изъ учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые призываются въ 1915 году и желали бы получить отсрочку для окончанія курса обученія въ этомъ же году. Къ этимъ прошеніямъ должны прилагаться удостовѣренія учебныхъ начальствъ о нахожденіи ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ и о предстоящемъ окончаніи ими курса въ 1915 году. 3) Лица, получившія въ предшествующіе призывы отсрочки по отбыванію воинской повинности для окончанія образованія на основаніи узаконеній, дѣйствовавшихъ до 1 Декабря 1912 года, въ случаѣ прекращенія дѣйствій этихъ отсрочекъ въ 1915 году, могутъ, согласно ст. 3 приложенія къ ст. 1, прим. Уст. Воин. Пов., по прод. 1912 года, измѣнить избранный ими способъ исполненія воинской повинности при условіи, чтобы соответственное заявленіе подлежащему воинскому присутствію было сдѣлано ими не позднѣе 1 Февраля 1915 года. **Приказали:** Разсмотрѣвъ настоящее отношеніе за Министра Внутреннихъ Дѣлъ Товарища Министра, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предписать Епархіальнымъ Преосвященнымъ преподать означенныя указанія и разъясненія по вопросу о призывѣ новобранцевъ 1915 г. мужскимъ учебнымъ заве-

деніямъ духовнаго вѣдомства, предложивъ начальствамъ сихъ заведеній поставить учащихся въ извѣстность о помянутыхъ трехъ пунктахъ, выясняющихъ порядокъ полученія отсрочекъ по отбыванію воинской повинности и измѣненія способа исполненія воинской повинности; для исполненія сего опредѣленія послать циркулярные указы Епархіальнымъ Преосвященнымъ, увѣдомивъ таковыми же Московскую и Грузино-Имеретинскую Синодальныя Конторы, Завѣдывающаго придворнымъ духовенствомъ и Помощника Протопресвитера военнаго и морского духовенства. Ноября 26 дня 1914 года.

Подлинный указъ подписали:

Оберъ-Секретарь П. Мудролюбовъ.

Секретарь С. Соколовъ.

О призывѣ новобранцевъ 1915 года.

Отъ Романовскаго комитета.

*И уже аще напоитъ единого отъ
малыхъ сихъ чашею студены воды
только, во имя ученика, аминь глаголю
вамъ, не погубитъ мзды своея.*

(Ев. отъ Матѳ. гл. 10 ст. 42).

Неслыханна по своей жестокости нынѣшняя война. Съ беззавѣтною храбростію чудо-богатыри наши отдають свою жизнь на защиту родины отъ кроваваго врага. Много сиротъ остается послѣ нихъ въ деревняхъ и селахъ нашихъ.

Священный долгъ родины спасти этихъ сиротъ отъ физической и нравственной гибели и обезпечить имъ призрѣніе и воспитаніе.

Состоящій подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Покровительствомъ Романовскій Комитетъ уже остановилъ свое вниманіе на этой потребности. Къ земскимъ учрежденіямъ уже обращена просьба создать при его помощи сѣть воспитательныхъ учреждений, приспособленныхъ къ крестьянскому быту, въ которыхъ осиротѣвшія вслѣдствіе войны дѣти могли бы получать необходимыя ремесленныя или сельско-хозяйственныя познанія, обезпечивающія имъ въ будущемъ хорошій заработокъ. Но изъ имѣющихся въ распоряженіи Комитета казенныхъ средствъ онъ можетъ оказывать созданію и содержанію подобныхъ заведеній лишь ограниченную помощь, въ размѣрѣ половины средствъ, предназначаемыхъ для сего мѣстными учреждениями.

Чтобы создать нѣчто достойное Великой Россіи и дѣйствительно, а не только на словахъ, воздать хотя бы отчасти нашимъ храбрацамъ, въ лицѣ ихъ потомства, благодарность родины—нуженъ обильный притокъ добротныхъ пожертвованій.

Комитетъ вѣрить, что таковыя притекутъ. Каждая, хотя бы и самая ничтожная, лепта будетъ принята съ горячею благодарностію, будетъ израсходована со строгою бережливостію и въ ней будетъ отданъ публичный отчетъ.

Пожертвованія принимаются:

1. Въ Канцеляріи Совѣта Министровъ (По Романовскому Комитету)—Петроградъ, ул. Жуковского, 59, ежедневно отъ 1 до 5 часовъ дня.

2. Въ Конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.

3. Во всѣхъ казначействахъ Имперіи.

Пожертвованія, отправленныя денежными переводами, адресуются на имя Романовскаго Комитета въ Петроградъ (ул. Жуковского, 59),

Богослужебные запросы.

Примѣчанія Его Высокопреосвященства

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ сего года Его Высокопреосвященству однимъ изъ священниковъ двухклирнаго причта былъ поданъ рапортъ слѣдующаго содержанія: Слѣдствія недоразумѣній, происходящихъ при богослужебной практикѣ, вынуждаютъ меня беспокоить Ваше Высокопреосвященство всепокорнѣйшею просьбою, которую только Вы, Ваше Высокопреосвященство, своею авторитетною властію и можете разрѣшить. Послѣ рукоположенія Вашимъ Высокопреосвященствомъ меня во іерея, я просилъ Васъ наставить и разъяснить нѣкоторые недоразумѣнія и недоумѣнные вопросы изъ богослужебной практики, которые и были Вами преподаны, но оказывается, что на дѣлѣ я ихъ примѣнить почти не могу, вслѣдствіе того, что получается разнovidность въ богослуженіи, и священникъ—настоятель дѣлаетъ мнѣ замѣчанія, указывая

Незнаніе устава

Незнаніе

Неправильно.

На ходу?

Неразумно и про-

тивъ устава

на то, что при прежнихъ Архіереяхъ такъ дѣлалось и если настоящій Владыка уйдетъ, то опять все будетъ по прежнему, а потому и дѣлать нужно такъ, какъ и было раньше. Несогласія-же наши происходятъ въ слѣдующихъ случаяхъ. Часъ 9 читается, при моемъ богослуженіи, при закрытой катапетасмѣ и начинается предъ Царскими дверьми, настоятель начинается въ алтарѣ и при открытой катапетасмѣ. Послѣ молитвы 9 часа мною дѣлается начало вечерни предъ Царскими дверьми, настоятелемъ-же въ алтарѣ. Я, по окончаніи свѣтильныхъ молитвъ, ожидаю выхода діакона и послѣ троекратнаго съ нимъ поклоненія во время аллилуіа и поклона—другъ другу, вхожу въ алтарь; настоятель входитъ въ алтарь до окончанія псалма и діаконъ въ алтарѣ дѣлаетъ ему поклонъ, выходитъ изъ алтаря и на ходу начинается ектенію «Миромъ Господу помолимся». На «Господи воззвахъ», если самъ служу, то самъ, а если съ діакonomъ, то ему говорю, чтобы послѣ кажденія алтаря, мѣстныхъ образовъ, оказивалъ и весь храмъ; настоятель же самъ не оказивалъ храма, ограничиваясь только алтаремъ и мѣстными иконами на солеѣ и велитъ такъ дѣлать діакону, какъ на его богослуженіи, такъ и моемъ, точно также и на 9 пѣсни при пѣніи «Величитъ душа моя Господа», такъ что послѣ кажденія діакonomъ только мѣстныхъ иконъ на солеѣ и, по входѣ въ алтарь, я вынуждаюсь идти оказивать храмъ. Діакона я не виню, потому что ему настоятель при мнѣ сказалъ, что если онъ не будетъ дѣлать на моемъ богослуженіи такъ, какъ на его, то онъ съ нимъ служить не будетъ. Во время входа на вечернѣ и малаго на литургіи Вами преподано было мнѣ наставленіе, послѣ цѣлованія образа Спасителя, оборачиваться на западъ къ пономарю со свѣтильникомъ и, бла-

Очень жаль!

Нехорошо!

Плохо!

Это лучше.

Нехорошо!

Нелѣпо.

Нелѣпо.

гословивъ, цѣловать образъ Божіей Матери. Настоятель по поводу этого дѣйствія выражается: «это комедія». При служеніи настоятеля, пономарь идетъ со свѣчей въ рукѣ безъ подсвѣчника и становится въ южныхъ дверяхъ, а послѣ возгласа «Премудрость прости» идетъ въ алтарь. На литургіи изобразительные псалмы 102 и 145 не поются и не читаются, первый ограничивается словами: «на всякомъ мѣстѣ владычества Его благослови душе моя Господа», а второй совсѣмъ опускается, а поется «слава и нынѣ», „Единородный Сыне“. Царскія врата послѣ чтенія Евангелія не закрываются, до прочтенія молитвы, какъ прежней за Царя, такъ и положенной въ настоящее время видоизмѣненной. Мною же, послѣ прочтенія діакономъ Евангелія, Царскія врата закрываются, а на чтеніе молитвы отверзаются. Настоятель и въ этомъ дѣйствіи видитъ неблаговидность: «затворять, да растворять». Мною при отправленіи требъ, напр. погребенія какъ младенческаго, такъ и взрослого, поются и читаются, также и при елеосвященіи, всѣ стихирѣ, каноны и другія пѣнопѣнія, а при настоятель требосправленія ограничиваются только пѣніемъ ирмосовъ: 1, 3, 6 и 9 безъ чтенія тропарей канона и стихиръ, ограничиваясь одной стихирой: «Прійдите послѣднее цѣлованіе» и «слава и нынѣ» «молитвами рождшія Тя Христе». Я влагаю разрѣшительную молитву въ руку умершему, а елей возливаю крестообразно на лицо, а настоятель велитъ покрыть молитвой лицо умершаго и возливаетъ елей на молитву. Я при отпѣваніи умершаго стою въ головѣ, а настоятель становится впереди, гдѣ ноги, тамъ же и пѣвцы. Есть и другія разновидности. Вслѣдствіе всего этого о. настоятель имѣетъ ко мнѣ нѣкоторую неприязнь: „вы не хотите дѣлать такъ, какъ я дѣлаю, а потому я сдѣ-

лаю такъ, что вы вынуждены будете уйти изъ этого прихода, при всемъ вашемъ желаніи быть здѣсь“. Я говорю, что противузаконнаго или противнаго обрядамъ церковнымъ я ничего не дѣлаю, а кто меня рукоположилъ и наставилъ, какъ отправлять таинства и обряды, я такъ и совершаю, не виноватъ—же я, что вы умѣете совершить крещеніе за 5—10 минутъ, а мнѣ нужно на это времени часъ. Если я заблуждаюсь и погрѣшаю въ вышеизложенныхъ дѣйствіяхъ въ богослужебной практикѣ, всепокорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Архипастырь и Отецъ, наставьте еще и поучите, да будетъ все благообразно и по чину. Если можно, то для общаго блага, руководства и пользы епархіальнаго духовенства благоволите открыть при журналѣ «Вѣра и Разумъ» въ 3 отдѣлѣ отдѣлъ для недоумѣнныхъ вопросовъ, и куда таковыя направлять, лично Вашему Высокопреосвященству или же въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

На рапортъ семъ резолюція Его Высокопреосвященства 26 ноября послѣдовала такая: „Консисторіи: Въ «Вѣра и Разумъ» отпечатать рапортъ и резолюцію, но безъ собственныхъ именъ. Напрасно настоятель ссылагается на прежнихъ и будущихъ архіереевъ: они не учили извращенію богослужебнаго чина и если послѣднее допускалось нѣкоторыми священнослужителями, то безъ вѣдома архипастырей. Допускается такое извращеніе и теперь многими, но это не значитъ, что я такое одобряю. Если настоятель будетъ упорствовать въ своемъ незнаніи устава и нежеланіи его исполнять, то самъ и будетъ увольтъ“.

Помогите родной Галичинѣ!

Быстрое сосредоточеніе, а затѣмъ стремительное, «суворовское», наступленіе нашихъ доблестныхъ войскъ къ Днѣстру и Львову и побѣды при Гнилой Липѣ спасли нашу Подолію и Волынь отъ ужасовъ войны и разоренія и перенесли театръ военныхъ дѣйствій въ Галичину, въ ту древнюю нашу Галичину, которая уже 600 лѣтъ ждетъ своего освобожденія отъ иноземнаго ига и упорно отстаивала и сохранила свою русскую народность и свою родную вѣру.

При самомъ началѣ мобилизаціи, по всей Червонной Руси пошли аресты тысячей и казни сотенъ священниковъ, интеллигентовъ и крестьянъ, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кто проявилъ себя болѣе яркими поборниками русской народной идеи. Враги русскаго народа захотѣли воспользоваться военнымъ положеніемъ, чтобы грубой силой искоренить то русское сознаніе, съ которымъ они были безсильны бороться культурнымъ путемъ.

До сихъ поръ выяснено, что въ занятой нами части Галичины арестовано около 10.000 русскихъ людей, а казнено болѣе 1.000. Освобождено нами изъ галицкихъ тюремъ лишь около 2.000, остальные вывезены въ глубь Австріи и Венгріи и неизвѣстно какая ихъ постигла участь. Имущество же ихъ разграблено озлобленными австрійскими жандармами и солдатами, мадьярами и нѣмцами. Мы еще не имѣемъ точныхъ свѣдѣній изъ Угорской Руси и Лемковщины, но оттуда доходятъ зловѣщіе слухи, что отступающіе австрійцы вырѣзали цѣлыя деревни и что уцѣлѣвшіе жители скрываются по горамъ и лѣсамъ.

Сколько осталось вдовъ и сиротъ, нынѣ потерявшихъ все изъ-за вѣрности своихъ отцовъ и мужей нашей общей Матери Руси!..

И мы не можемъ ихъ оставить безъ своего сердечнаго участія и безъ помощи въ хлѣбѣ, одеждѣ и топливѣ.

Водбще вся Галичина сильно пострадала, такъ какъ по ней лавиной прошли двѣ миллионныя арміи. Тѣ уѣзды, изъ которыхъ мы быстро и окончательно изгнали врага, сравнительно мало пострадали, но есть цѣлый рядъ другихъ уѣздовъ (Рава рускій, Перемышльскій, Городокскій, Самборскій, Дрогобычскій, Стрыйскій, Долинскій и др.), гдѣ шли многодневные упорные бои (въ Самборскомъ уѣздѣ непрерывный бой длился четыре недѣли) и тамъ разорены совершенно цѣлые округа, деревни сравнены съ землею, хлѣбъ, скотъ все уничтожено и населеніе страшно бѣдствуетъ. А впереди холодная и голодная зима, и неужели добрая и сострадательная

Россія не слышитъ плача матерей и жалобнаго крика дѣтей? Она слышитъ и она отвѣтитъ...

Для помощи населенію, безъ различія народности и вѣры, образованъ Генераль-Губернаторомъ Галичины Главный благотворительный Комитетъ, а также уѣздные Комитеты и посильная помощь уже оказывается, мѣстами деньгами, мѣстами мукой и солью. Эту помощь назвалъ уже здѣшній народъ «Царской лаской», но въ великіе дни, переживаемые нынѣ Россіей, всѣ народы ея и всѣ слои общества доказали, что они стоятъ заодно со своимъ Царемъ и мы уповаемъ, что въ дѣлѣ помощи нашимъ несчастнымъ братьямъ у Карпатъ русское общество пожелаетъ также принять живое и широкое участіе.

Пожертвованія просимъ направлять во Львовъ на имя Главнаго благотворительнаго Комитета при Генераль-Губернаторѣ.

Дабы облегчить пересылку мелкихъ денежныхъ суммъ, просимъ Земскія и Городскія Управы принимать пожертвованія и присылать во Львовъ вмѣстѣ со списками жертвователей.

Просимъ всѣ газеты напечатать нѣсколько разъ это обращеніе.

*Главный благотворительный
Комитетъ во Львовѣ.*

Отъ Правленія Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи доводитъ до свѣдѣнія родителей и опекуновъ воспитанниковъ Семинаріи, что по постановленію Правленія отъ 28 Ноября с. г. выданы пособія слѣдующимъ воспитанникамъ:

6 кл.

Ведринскому Л.—25 р. за содержаніе въ Семинаріи.

Касьянову К.—галоши.

Андронову С.—тоже.

Виноградову Н.—будничн. пара.

Пантелеймонову В.—тоже.

Жадановскому С.—галоши.

Пасько А.—ботинки.

Левитскому Я.—ботинки и галоши.

Сирятскому В.—галоши.

Юношеву М.—ботинки.

5 кл.

Васильковскому И.—ботинки.

Бутковскому Е.—будн. пара.

Бородаеву Н.—брюки.

Корнѣенко Г.—15 р. за содержаніе въ Семинаріи.

Николаевичу Мих.—будничн. пара.

IV кл.

Панкратьеву Г.—ботинки.

Геневскому А.—шинель.

Ковалевскому И.—галоши.

Черняеву Вл.—галоши.

Чиркину С.—будн. пара.

Иваницкому К.—будничн. пара.

Сахарову В.—тоже.

III кл.

Доброницкому К.—ботинки.

Вышемірскому В.—брюки.

Дюкову Вл.—будничн. пара, ботинки.

Лѣсовикову К.—будничн. пара.

Климентову Θεод.—брюки

Василевскому Виталию—галоши

Павловскому Мих.—брюки.

Ходскому Д.—тоже

Антоновичу А.—галоши.

Бородаеву А.—будн. пара.

Любарскому Н.—ботинки.

Антоньеву Ан.—галоши

Быковцеву И.—будн. пара.

Станкову В.—тоже

Щелкунову А.—блуза.

Пантелеймонову Θ—будн. блуза и поясъ.

Паевскому М.—будн. пара.

Кротову И.—тоже.

II кл.

Щелоковскому Г.—галоши
 Яблоновскому Л.—будн. пара.
 Подольскому—будн. пара.
 Щепинскому Дм.—тоже
 Спѣсивцеву А.—тоже
 Сильванскому Вл.—будн. пара, ботинки и поясъ.
 Лядскому Вас.—ботинки
 Ястремскому Б.—ботинки
 Бугуцкому А.—25 р. за содержаніе въ Семинаріи.
 Соколовскому Ив.—будн. пара.
 Рудневу Л.—тоже.
 Власовскому Г.—тоже
 Мураховскому И. тоже
 Попову Ал.—ндру (пар. кл.)—будн. пара.

I кл.

Кондратенко Θ.—будн. пара. и ботинки.
 Базилевичу Мих.—ботинки
 Яновскому Борису—будн. пара.
 Браиловскому К.—будничн. пара.
 Власовскому Ал.—ндру—будн. пара
 Навродскому И.—будн. пара
 Бородаеву Ал.—ндру—5 р. на очки.
 Мирожину Е.—ботинки
 Попову Якову—тоже
 Кириченко Гл.—25 р. на уплату за содержаніе въ Семинаріи.
 Стрижакову В.—галоши.
 Хорошкову Е.—ботинки
 Полтавцеву И.—тоже
 Киктеву А.—будн. пара
 Даневскому Ал.—ндру—галоши
 Жуковскому Ив.—галоши
 Жукову Павлу—ботинки
 Оедорову Петру—шинель
 Левитскому Н.—25 р. на уплату за содержаніе въ Семинаріи.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1) Обѣ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Бывшій священникъ *Іоаннъ Петровъ* 5 декабря опредѣленъ на священническое мѣсто при Архангело-Михайловской церкви с. Осиновой, Старобѣльскаго уѣзда.

2) Окончившій курсъ Волынской Духовной Семинаріи *Александръ Бычковскій* 26 ноября опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви с. Городного, Богодуховскаго уѣзда.

3) Бывшій священникъ *Петръ Черняевъ* 26 ноября опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви с. Лимана, Изюмскаго уѣзда.

4) Діаконъ церкви с. Каменки, Купянскаго уѣзда, *Іоаннъ Найдовскій*, 3 декабря опредѣленъ на священническое мѣсто въ Воронежской епархіи.

5) Учитель *Феодоръ Кашуба* 28 ноября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Лимана, Изюмскаго уѣзда.

6) Крестьянинъ *Іванъ Пименовъ* 24 ноября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Воскресенской церкви с. Ясенового, Лебединскаго уѣзда.

7) Крестьянинъ *Василій Прохоренко* 24 ноября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Подгоровки, Староб. уѣзда.

8) Крестьянинъ *Іванъ Зеленый* 26 ноября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Михайловки, Лебединскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священникъ церкви с. Коломійчихи, Купянскаго уѣзда, *Алексій Дюковъ*, 24 ноября перемѣщенъ къ церкви с. Корбиныхъ Ивановъ, Богодуховскаго уѣзда.

2) Священникъ церкви с. Лимана, Изюмскаго уѣзда, *Александръ Найдовскій*, 26 ноября перемѣщенъ къ церкви с. Коломійчихи, Купянскаго уѣзда.

3) Священникъ церкви с. Корбиныхъ Ивановъ, Богодуховскаго уѣзда, *Леонтій Масловъ*, 26 ноября перемѣщенъ къ церкви с. Колпаково, Старобѣльскаго уѣзда.

4) Діаконъ церкви с. Каменной Яруги, Зміевского уѣзда, *Михаилъ Найдовскій*, 8 декабря перемѣщенъ къ церкви с. Каменки, Купянскаго уѣзда.

5) Псаломщикъ церкви с. Михайловки, Лебединскаго уѣзда, *Василій Бѣлоусъ*, 26 ноября перемѣщенъ къ церкви с. Ново-Бѣленькой, Старобѣльскаго уѣзда.

3) О смерти духовенства.

1) Священникъ Успенской церкви с. Марковки, Старобѣльскаго уѣзда, *Владимиръ Чебановъ* 10 ноября умеръ.

4) Объ увольненіи духовенства за штатъ.

1) Псаломщикъ церкви с. Подгоровки, Старобѣльскаго уѣзда, *Александръ Селезневъ*, по прошенію, 24 ноября уволенъ за штатъ.

2) Псаломщикъ церкви с. Лимана, Изюмскаго уѣзда, *Димитрій Бутковский*, 24 ноября уволенъ отъ мѣста.

3) Псаломщикъ церкви с. Ясенового, Лебединскаго уѣзда, *Александръ Саламотниковъ*, 24 ноября уволенъ отъ мѣста.

4) Псаломщикъ церкви с. Песокъ, Изюмскаго уѣзда, *Михаиль Голубовъ*, 21 ноября уволенъ отъ мѣста.

5) Псаломщикъ Трехсвятительской церкви, с. Ольшаны, Харьк. уѣзда, *Алексій Крамаревъ*, 1 декабря уволенъ отъ мѣста.

5) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

1) Къ церкви с. Даниловки, Изюмскаго уѣзда, старостою 18-го ноября утвержденъ крест. *Автономъ Шевченко*.

2) Къ церкви с. Чернетчины, Ахтырскаго уѣзда, 18 ноября—крест. *Кассіанъ Касьяненко*.

3) Къ Преображенской церкви с. Марковки, Староб. уѣзда, старостою 19 ноября—крест. *Иванъ Коротунъ*.

4) Къ церкви с. Кантакузово, Валковскаго уѣзда, старостою 25 ноября—дѣйств. ст. сов. *Алексій Яхонтовъ*.

5) Къ церкви с. Верхняго Салтова, Волчанскаго уѣзда, старостою 27 ноября—крест. *Іоакимъ Измайловъ*.

6) Къ церкви с. Гуляй Поле, Зміевского уѣзда, старостою 28 ноября—крест. *Филиппъ Гуліусъ*.

7) Къ церкви с. Бугаевки, Изюмскаго уѣзда, старостою 29-го ноября—крест. *Авксентій Турка*.

8) Къ церкви с. Чистоводовки, того-же уѣзда, старостою 29-го ноября—крест. *Андрей Юдинъ*.

9) Къ Николаевской церкви с. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, старостою 30 ноября—крест. *Авксентій Писный*.

10) Къ церкви с. Мартыновки, Лебединскаго уѣзда, старостою 30 ноября—крест. *Аполлоній Галицкий*.

11) Къ Троицкой церкви с. Мостковъ, Старобѣльскаго уѣзда, старостою 1 декабря—крест. *Даміанъ Калмыковъ*.

12) Къ церкви с. Лутище, Ахтырского уѣзда, старостою 2 декабря—крест. *Иванъ Дубина*.

13) Къ церкви с. Братеницы, Богодуховскаго уѣзда, старостою 4 декабря—крест. *Левъ Китченко*.

6) Вакантныя мѣста.

1) Священническія:

При Успенской церкви с. Марковки, Старобѣльскаго уѣзда.

2) Діаконскія.

При Николаевской ц. с. Каменной Яруги, Зміевского уѣзда.

3) Псаломщицкія:

При Вознесенской ц. с. Песокъ, Изюмск. уѣзда.

„ Богородичной ц. с. Владимировки, Гуляйскаго уѣзда.

„ Трехсвятительской ц. с. Ольшаны, Харьковск. уѣзда.

II.

Содержаніе. Духовенству Харьковской епархіи отъ епархіальной издательской комиссіи.—„Былъ-ли Іисусъ Христосъ революціонеромъ“.—Рождество Христово.—Нашему сердитому критику.—**Епархіальная хроника.**—Напутственный молебенъ запаснымъ воинамъ 7 сапернаго баталіона.—Архипастырское служеніе въ Троицкой единовѣрческой церкви г. Харькова.—**Иноепархіальный отдѣлъ.**—„Солдатская копѣйка“.—Предложеніе Могилевскаго Архипастыря духовенству.—Изъ пастырской практики.—**Разныя извѣстія и замѣтки.**—Православная кончина „толстовца“.—Объявленія.

ДУХОВЕНСТВУ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ отъ епархіальной издательской комиссіи.

Совершающаяся на нашихъ глазахъ кровавая драма обще-европейской войны является однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ духовнаго кризиса, переживаемаго европейскими народами, въ частности русскимъ народомъ, за послѣднее время и названнаго въ литературѣ „переоцѣнкой всѣхъ цѣнностей“. Этотъ кризисъ переоцѣнки захватилъ собою всѣ слои нашего общества, отъ верхнихъ до нижнихъ, отъ интеллигента до простолюдина, и выражается въ той духовной алчбѣ и жаждѣ, которая явилась причиной наводненія

книжнаго рынка всякаго рода произведеніями, отъ „богоискательныхъ“ и „богостроительныхъ“ до порнографическихъ включительно. И если привыкшій къ критическому мышленію интеллигентъ имѣетъ полную возможность разобраться въ вихрѣ хаотическаго движенія современной мысли (да и то всегда-ли?), то простолюдинъ поставленъ въ этомъ отношеніи въ крайне-тяжелое положеніе. Съ одной стороны онъ чувствуетъ (если не понимаетъ), что во внутренней и внѣшней жизни общества и народа происходитъ что-то важное и великое по своимъ послѣдствіямъ; съ другой онъ почти лишенъ возможности разбираться въ всемъ происходящемъ, чтобы точно и рѣшительно опредѣлить линію своего поведенія и жизни. Духовная жажда влечетъ его къ печатному слову, которое и предлагается ему въ неисчерпаемо-громадныхъ размѣрахъ то какъ газета или журналъ, то какъ листокъ, то какъ брошюрка, то какъ прокламація, то какъ книга и т. д. и т. д. Но что даетъ простолюдину современная печать? То она объявляетъ человѣка продуктомъ экономическихъ условій, то производитъ человѣка отъ животнаго, то призываетъ его въ общину „ново-христіанъ“, отклонившихся отъ Православной Церкви въ видѣ-ли „евангеликовъ“, или „адвентистовъ“, или „ново-израильскихъ“ людей, или „іеговистовъ“, или „іоаннитовъ“ и т. д. и т. д. Кому вѣрить? чему слѣдовать? за кѣмъ идти? кому подражать? какъ быть? Каждый „учитель“ устно или письменно называетъ свое ученіе истиннымъ и проповѣдуемую имъ жизнь-спасительной, человѣчески-разумной, оправдываемой такими соблазнительными доводами, какъ „все ученые говорятъ“, „наука доказала“, „Писаніе говоритъ“ и др.

И если когда, то именно теперь пастырь Православной Церкви долженъ быть особенно зоркимъ и бдительнымъ, чтобы не растерять духовныхъ чадъ своихъ, однихъ предупредить отъ „увлеченія всякимъ вѣтромъ ученія“, другихъ поддержать и укрѣпить въ подлинной Христовой жизни; заблудшихъ обратить на путь истины, слабыхъ и немощныхъ оградить отъ обольщенія и соблазна. Потерявши свое вліяніе на вѣрующихъ *теперь*, пастырь не возвратитъ его себѣ *никогда*. Да, теперь или никогда!..

Очевидно, сознаніе важности переживаемаго времени присуще пастырямъ Харьковской епархіи, почему, помимо

мѣстныхъ и индивидуальныхъ средствъ, способовъ и мѣропріятій „соблюденія духовныхъ чадъ отъ непріязни“, они на послѣднемъ своемъ епархіальномъ съѣздѣ и постановили, въ помощь себѣ, учредить епархіальную издательскую комиссію, которая бы изданіемъ листовъ, брошюръ и книжекъ для простаго народа содѣйствовала проясненію, развитію и укрѣпленію православнаго вѣросознанія народа, ограждая его отъ увлеченія философскимъ и экономическимъ матеріализмомъ, сектантствомъ, расколомъ, порнографіей и т. д.

Но какъ бы ни была совершенна организація комиссіи, какъ учрежденія, какъ-бы ни были преданы религіозно-просвѣтителъному дѣлу члены комиссіи, осуществленіе поставленныхъ ей заданій возможно при одномъ условіи: если между комиссіей и епархіальнымъ духовенствомъ будетъ постоянная, тѣсная, живая связь и братски-дружественныя отношенія. Комиссія не должна быть одинока и только теоретически-умозрительна (если можно такъ выразиться) въ своей дѣятельности; иначе, вопреки своему желанію, она можетъ впасть въ благочестивое заблужденіе относительно своей дѣятельности. Комиссія не должна только *хотѣть* помочь, а должна *знать*, въ чемъ особенная нужда вѣрующихъ, каковы ихъ запросы, потребности, соблазны, опасности.

Поэтому-то, братья-сопастыри! Вы избрали издательскую комиссію; значить, дѣятельность ея для васъ желательна, полезна и нужна. Не оставляйте-же ее безъ своей поддержки: присылайте свои пастырскіе запросы, недоумѣнія; сообщайте о нуждахъ (духовныхъ, конечно) своей паствы; дайте реально-практическія указанія, необходимыя для плодотворности издательской дѣятельности комиссіи; скажите, чѣмъ болѣетъ душа народа, чего ищетъ, къ чему стремится; отъ чего или кого угрожаетъ опасность. Братья-сопастыри! Кто можетъ, присылайте свои статьи для печатнаго распространенія ихъ въ народѣ. Привлекайте къ этому святому дѣлу извѣстныхъ вамъ на мѣстахъ ревнителѣй религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа въ духѣ Православной Церкви и изъ мірянъ. При условіи сочувствія и единенія, только при этомъ условіи, епархіальная издательская комиссія можетъ оправдать довѣріе избравшаго ее ду-

ховенства и осуществлять свою задачу съ пользой для св. Православной Церкви.

Р. S. Всякую корреспонденцію нужно направлять на имя о. Ректора Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерея А. М. Юшкова (г. Харьковъ. Зданіе Духовной Семинаріи).

„Былъ-ли Іисусъ Христосъ революціонеромъ“.

На такую тему Высокопреосвященнымъ Антоніемъ была прочитана 24 ноября въ зданіи Семинаріи лекція для воспитанниковъ ¹⁾.

Въ русскомъ обществѣ и литературѣ (какъ и въ заграничной) неоднократно наблюдались попытки представить Іисуса Христа социалистомъ и связать Его имя съ революціей.

Такъ, сравнительно еще недавно, довольно популярный публицистъ Гр. Петровъ (бывшій священникъ) писалъ: „Христосъ былъ демократъ: черносотенцы учинили надъ Нимъ полевой судъ, приговорили къ повѣшенію и повѣсили“.

Ранѣе въ 60—70 г., подъ вліяніемъ пропаганды Герценовскаго „Колокола“ въ обществѣ былъ весьма распространеннымъ взглядъ на Христа, какъ на „революціонера-соціалиста“ ²⁾.

Въ заграничной литературѣ тѣ-же тенденціи наблюдаемъ, напр., у Ренана.

Показать неправильность подобныхъ представленій и, попутно, опредѣлить наиболѣе пріемлемое, съ точки зрѣнія Евангелія, политическое воззрѣніе и составляло, по заявленію лектора, задачу его чтенія.

Поставленный въ темѣ вопросъ лекторъ разрѣшаетъ путемъ подробнаго анализа, съ одной стороны, исторіи и политическихъ настроеній еврейскаго народа, съ другой—жизни и ученія Іисуса Христа.

¹⁾ Въ этотъ день воспитанники Семинаріи были освобождены отъ занятій въ ознаменованіе состоявшагося наканунѣ посѣщенія г. Харькова Государемъ Императоромъ.

²⁾ Достоевскій вкладываетъ эти рѣчи въ уста одного изъ своихъ героев—Коли Красоткина.

Самый бѣглый взглядъ на исторію еврейскаго народа приводитъ, по заявленію лектора, къ признанію, что еврейскій народъ былъ „искони“ революціонеръ; исторія его—рядъ сплошныхъ возстаній противъ законной власти.—Мятежъ противъ Моисея и Аарона, возстаніе Авессалома, мятежи при Давидѣ (Савей), при Ровоамѣ (отторженіе 10 колѣнъ и образованіе Израильскаго царства).

Послѣ порабощенія еврейскаго народа Навуходоносоромъ эта жажда „политической свободы“ возгорается съ новой и еще большей силой, несмотря на увѣщанія и противодѣйствія почитаемаго всѣми пр. Іереміи (гл. 26—38).

Для ниспроверженія власти Навуходоносора евреи вступаютъ въ тайныя сношенія съ Египтомъ, позднѣе поднимаютъ бунтъ противъ Годоліи (послѣ 2 и 3 разоренія), за что подвергаются почти поголовному избіенію.

При греческомъ и римскомъ господствѣ наблюдаемъ тѣ-же явленія.

Геройское возстаніе при Маккавеяхъ (противъ грековъ), мятежъ Іуды Галилеянина и Ѳевды, о которыхъ говорятъ Дѣянія Апост. (5, 36—37), возстаніе въ 30 г. по Вознесеніи Господа, въ 135 г., словомъ до тѣхъ поръ пока еврейство, какъ народъ, не прекратило своего существованія.

„Возможно-ли послѣ этого допустить, чтобы Іисусъ Христосъ погибъ отъ еврейскаго народа, если-бы раздѣлялъ одушевлявшія этотъ народъ мысли о свободѣ и революціи“! Христосъ былъ-бы, по заявленію лектора, первымъ другомъ еврейскаго народа, народнымъ героемъ.

Подъ вліяніемъ этой жажды политическаго господства складывалось и все народное міросозерцаніе; политическія идеи управляли жизнью евреевъ. Подъ этимъ же угломъ зрѣнія истолковывались ими и всѣ пророческія рѣчи о грядущемъ.

Пророчества объ установленіи „царства Божія“ на землѣ, о разрушеніи другихъ царствъ, евреи не хотѣли иначе понимать какъ въ томъ смыслѣ, что они должны будутъ покорить всѣ другія царства, установить вмѣсто нихъ еврейское и вездѣ водворить правду и судъ.

Грядущій Мессія имъ рисовался, какъ вождь еврейскаго народа, завоеватель, творящій послѣ блестящихъ побѣдъ судъ надъ покоренными.

При жизни Господа главными выразителями и вдохновителями этого общенароднаго настроенія были книжники и фарисеи, что Онъ подтверждаетъ въ рѣчи своей по поводу смерти Іоанна Крестителя ¹⁾).

Переходя къ анализу ученія Іисуса Христа, лекторъ дѣлаетъ предварительное общее замѣчаніе, что во всѣхъ рѣчахъ Господа замѣчается постоянное стремленіе вытѣснить изъ народнаго сознанія это превратное представленіе о Мессіи и его царствѣ, какъ внѣшнемъ земномъ, стремленіе, отразившееся и на самой формѣ ихъ.—Христосъ облачаетъ свое ученіе въ такіе именно термины („царство Божіе“, „царство святыхъ“), которыми прикрывалась и политическая пропаганда. Приводитъ преимущественно тѣ пророчества, въ которыхъ подчеркивается нравственный характеръ грядущаго царства (прор. Даниіла). Съ этой цѣлью усваиваетъ себѣ наименованіе „сына человѣческаго“, особенно когда говорить о своей славѣ.

Отсюда, замѣчаетъ лекторъ, для правильнаго пониманія рѣчей Спасителя, для раскрытія въ нихъ послѣдовательности и связи, что часто является „камнемъ преткновенія“ для толкователей, необходимо имѣть въ сознаніи тѣ вопросы и мысли, которые были „на умѣ“ у собесѣдниковъ Христа, вопросы, недоговариваемые или не попавшіе въ Евангеліе.

Свое вниманіе лекторъ остановилъ (преимущественно) на тѣхъ мѣстахъ и событіяхъ евангельскаго повѣствованія, которыя наиболѣе характерны въ означенномъ отношеніи. Таковыми являются: бесѣда Христа съ Никодимомъ, чудесное насыщеніе 5000 чел. пятью хлѣбами, воскрешеніе Лазаря, судъ надъ Господомъ.

Однажды, ночью, пришелъ ко Христу Никодимъ, книжникъ и начальникъ (слѣдов. изъ лагеря политическихъ вождей) и говорить: „Равви, мы знаемъ, что Ты учитель, пришедшій отъ Бога, ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ“, а Господь отвѣчаетъ ему: „истинно, истинно говорю тебѣ,

¹⁾ Предтеча палъ жертвой интригъ со стороны книжниковъ, за то, что рѣчами своими о чисто личной добродѣтели (Лук. 3, 11) обличалъ ихъ и отвлекалъ вниманіе народа отъ политическихъ интересовъ (Мѣ. 17, 10—13).

если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть царствія Божія“.

Повидимому въ словахъ Спасителя отвѣта на вопросъ Никодима не имѣется; по крайней мѣрѣ связь между вопросомъ и отвѣтомъ неясна. Но если мы примемъ во вниманіи истинный смыслъ (внутренній), скрывавшійся за словами вопрошающаго, то она выступить съ очевидностью.

Никодимъ призналъ (причемъ говорить: „мы“—указаніе на партію) Христа Мессіей, а съ представленіемъ Мессіи у него, какъ и у всѣхъ іудеевъ, связывалось представленіе о царѣ-избавителѣ отъ иноземнаго ига. „Ты Мессія“, говоритъ Никодимъ, „но что же ты ничего не предпринимаешь для освобожденія народа, для образованія своего собственнаго царства“. Вотъ на этотъ-то скрытый вопросъ Христосъ и отвѣчаетъ. Для вступленія въ мое царство нужно „новое рожденіе“ („свыше“)—истинно, истинно и т. д. Никодимъ замѣчаетъ: развѣ можетъ человѣкъ вновь родиться, вторично войти въ утробу матери.

Наивно было-бы думать, какъ обычно толкуютъ, что Никодимъ (ученый—книжникъ) не понялъ Христа. Нѣтъ, онъ понялъ, но считаетъ совершенной утопіей намѣреніе Христа переродить, перевоспитать весь народъ, для вступленія въ царство Мессіи. Одному человѣку трудно переродиться, а цѣлому народу такъ-же невозможно, какъ вновь войти въ утробу матери.

Разъясняя недоумѣніе Никодима, Христосъ говоритъ, что вѣдь мы знаемъ о чемъ говоримъ—„плоть есть плоть, духъ—духъ,—что невозможно для первой, возможно для послѣдняго; тѣмъ болѣе, что я сошелъ съ неба, принесъ новыя силы, говорю по высшему вѣдѣнію.—„Духъ, какъ вѣтеръ, дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь откуда приходитъ и куда уходитъ, такъ бываетъ со всякимъ рожденнымъ отъ Духа“.

Удивляясь, какъ это Никодимъ—учитель Израиля не хочетъ этого понять, Христосъ, далѣе, напоминаетъ ему рядъ пророчествъ, говорящихъ о томъ же нравственномъ характерѣ грядущаго царства.

Въ дальнѣйшемъ теченіи бесѣды Христосъ вдругъ заговариваетъ о судѣ, повидимому, тоже безъ опредѣленной связи съ предыдущимъ. Но внутренній смыслъ опять ясенъ.

По представленію тогдашнихъ (и современныхъ) іудеевъ Мессія долженъ произвести судъ надъ людьми и примирить противорѣчія земной жизни. „Гдѣ-же этотъ судъ“, вопрошаетъ Никодимъ? Христосъ отвѣчаетъ: „не послалъ Богъ Сына, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него“, и, продолжая, указываетъ, что и судъ самый наступилъ, но только не такой, какого ожидаете вы, а нравственный. „Вѣрующій въ Него не судится, а не вѣрующій осужденъ“... и т. д.

Еще рельефнѣй выясняется отношеніе Христа къ іудейскимъ политическимъ идеямъ въ событіи чудеснаго насыщенія 5000 ч. пятью хлѣбами.

Нужно отмѣтить, что чудо это (правильное и подробное освѣщеніе котораго находимъ у ев. Іоанна) произвело на іудеевъ исключительное впечатлѣніе, хотя Христосъ совершалъ болѣе поразительныя чудеса (воскрешеніе сына вдовы Наинской, исцѣленіе бѣсноватыхъ). Почему? Разгадка опять таки въ политическихъ мотивахъ.

На войнѣ самое трудное, но и самое главное, прокормить армію, безъ правильнаго питанія самая стойкая армія превращается въ ничто. При народномъ же возстаніи эта сторона дѣла имѣетъ особую остроту, такъ какъ невозможно открыто производить заготовку продовольствія.

И вотъ является Учитель, Который пятью хлѣбами можетъ напитать тысячи; съ такимъ вождемъ не страшны никакіе враги. Окрыленные открывавшимися заманчивыми перспективами, іудеи рѣшили, послѣ этого чуда, силой взять Христа и сдѣлать царемъ. Христосъ спасся отъ преслѣдованій народа чудеснымъ хожденіемъ по водамъ. Позднѣе (въ Капернаумѣ) Онъ произноситъ обличительную рѣчь. „Вы ищете меня потому, что ѣли хлѣбъ ¹⁾... старайтесь не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ человѣческой... и пища эта—„Его плоть и кровь“.

Іудеи съ очевидностью изъ этого убѣдились, что имъ нечего ожидать отъ Христа сочувствія своимъ политиче-

¹⁾ Нельзя думать, что это была какая-то голодная толпа: вѣдь они только что въ продолженіе почти сутокъ съ упоеніемъ слушали учителя; здѣсь были „іудеи“, „іерусалимляне“—цвѣтъ націи, особенно жаждавшіе освобожденія.

скимъ чаяніямъ и съ этихъ поръ нѣкоторые „искали убить Его“ (Іоан. 7, 1).

Тотъ-же нравственный характеръ своего дѣла и царства раскрываетъ Господь и въ дальнѣйшихъ рѣчахъ объ „рѣкахъ воды живой изъ чрева вѣрующаго“, объ „истинѣ“, дѣлающей послѣдователей Его „истинно свободными“ (Іоан. 7, 38; 8, 31—32).

Чѣмъ больше выясняется этотъ характеръ, тѣмъ сильнѣй становится злоба извѣстной части народа ко Христу и достигаетъ своего апогея послѣ чудеснаго воскрешенія Лазаря.

Въ умахъ слушателей послѣ этого чуда произошелъ страшный переворотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтился рѣшительный переломъ въ отношеніяхъ ко Христу.

Съ одной стороны, многіе увѣровали въ Него, увидѣли всю пустоту земныхъ человѣческихъ замысловъ; мысль ихъ вслѣдъ за Учителемъ, отвергающимъ гробы и повелѣвающимъ смертію, переносится къ противоположному идеалу, идеалу жизни духовной, вѣчной.

Съ другой стороны, многіе съ фарисеями и книжниками во главѣ, увидѣвшіе крушеніе своихъ политическихъ идеаловъ (если народъ пойдетъ за Христомъ, въ область духовной жизни, то никакой революціи быть не можетъ), грядущее поработеніе римской культурой („придутъ римляне, овладѣютъ мѣстомъ нашимъ“), принимаютъ радикальныя мѣры: „съ этого дня положили убить... Его (Іоан. 11, 53), „лучше намъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели весь народъ погибъ“... т. е. вынесли Христу смертный приговоръ.

Торжественный входъ Господа въ Іерусалимъ и принятіе Имъ посольства отъ язычниковъ („эллиновъ“) только укрѣпили принятое партіей рѣшеніе и заставили спѣшить съ его осуществленіемъ.

Первое показало грандіозность размѣровъ народнаго движенія въ пользу Христа; второе разрушило еще одну политическую иллюзію—царство Мессіи не должно быть мірскимъ, а духовнымъ. Сюда присоединилось еще то обстоятельство, что Христосъ пожелалъ видѣть язычника—эллина; и вотъ Господь послѣ этого (принятія посольства) произно-

ситъ рѣчь о своей смерти, и связываетъ свою кончину съ еврейскимъ націонализмомъ.

По постановленію синадріона Христосъ былъ взятъ, взятъ тайно, такъ какъ симпатіи народа были на Его сторонѣ, и надъ Нимъ начинается судъ.

Въ исторіи суда надъ Господомъ лекторъ сосредоточилъ свое вниманіе на роли народа въ процессѣ и его настроеніи.

Откуда, прежде всего, появилась огромная толпа народа у дворца Пилата, вѣдь Христосъ былъ взятъ и судимъ безъ участія народа, и какъ объяснить первоначальное благожелательное отношеніе ея ко Христу (вначалѣ требуютъ смерти для Христа лишь первосвященники и кучка пришедшихъ съ ними) и рѣзкое измѣненіе его.

Разгадку этому обстоятельству лекторъ находитъ въ евангеліи Марка.

По евангелисту Марку, ходъ дѣла рисуется такъ: когда фарисеи съ обвиняемымъ Христомъ пришли къ Пилату, то тамъ уже стояла огромная толпа народа, пришедшая по своему дѣлу и ничего не имѣвшая противъ Христа. Согласно обычаю, Пилатъ долженъ былъ отпустить (къ празднику) кого-либо изъ узниковъ. Въ это время подъ стражей содержался Варавва и толпа пришла просить его освобожденія. Почему? Да потому, что Варавва не былъ, какъ обычно думаютъ, простой разбойникъ, а одинъ изъ предводителей народнаго движенія, совершившій во время мятежа убійство. Ев. Маркъ прямо говоритъ: „нѣкто, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сдѣлали убійство“ (Мр. 15, 7.) Такъ-же объясняетъ и Лука: „за произведенные въ городѣ возмущеніе и убійство (Лук. 23, 19).

Выступленіе Пилата съ предложеніемъ отпустить Христа тоже даетъ основаніе думать, что разговоръ съ народомъ объ освобожденіи узниковъ былъ еще раньше.

Не имѣя ничего противъ Христа, народъ проситъ освободить Варавву потому, вѣроятно, что былъ увѣренъ въ безопасности Христа, такъ какъ противъ Него собственно не было достаточныхъ для обвиненія уликъ.—Во время препирательства книжниковъ съ Пилатомъ, разговора съ Христомъ, формальнаго суда надъ Христомъ, послѣ отказа Пилата вынести приговоръ по одному лишь заявленію перво-

священниковъ, отношеніе народа ко Христу остается прежнимъ.

Переломъ въ настроеніи (почти моментальный) начался лишь тогда, когда Пилатъ вывелъ Христа въ поруганномъ видѣ и сказалъ: се человекъ! Это возмутило народъ, но онъ еще колебался между жалостію и негодованіемъ, а первосвященники и слуги ихъ поспѣшили подчеркнуть послѣднее и закричали: распни Его. Но когда Пилатъ чрезъ нѣсколько минутъ вторично вывелъ Христа въ одеждѣ поруганія и сказалъ: „вотъ царь вашъ“, то этимъ заявленіемъ погубилъ Христа въ глазахъ и всего народа (хотя, быть можетъ, и противъ своего собственнаго желанія).

Народъ понялъ, что въ лицѣ поруганнаго, избитаго, оплеваннаго Христа выставляется на позоръ самая дорогая для него мечта о національномъ царѣ; понялъ и пришелъ въ бѣшенство. Гнѣвъ его обрушивается не на Пилата, защищеннаго римскими когортами, а, т. ск., по линіи наименьшаго сопротивленія—на Христа. Какъ Онъ—чудотворецъ, предъ Которымъ въ страхѣ падали римскіе воины, Который повелѣвалъ всей природой и самой смертію, осмѣлился допустить такое поруганіе народной идеи—„Распни, распни Его“!

Что именно въ этихъ мотивахъ нужно искать причину быстрой смѣны народнаго настроенія и страшной злобы ко Христу, подтверждаетъ и дальнѣйшее.

Фарисеи усиленно просятъ Пилата не помѣщать надписи на крестѣ, что это „царь Іудейскій“ (Іоан. 19, 21.).

Толпа издѣвающихся кричитъ: „Царь Израилевъ, пусть сойдетъ съ креста... другихъ спасалъ, Себя не можетъ спасти“.

Такимъ образомъ Христосъ не былъ революціонеромъ, а самъ палъ жертвой іудейской революціи, заключилъ лекторъ ¹⁾.

Отъ революціи іудейской лекторъ перешелъ къ современной.

Если Христосъ отрицательно относился къ революціи іудейской, въ которой все-таки можно находить хорошія

¹⁾ Этимъ не исключается, по заявленію лектора, наличность и другихъ земныхъ причинъ смерти Господа, какъ-то: корыстолюбіе Іуды, недовольство старцевъ за нарушеніе преданій, малодушіе Пилата...

стороны—народъ боролся за свою національную свободу, отводилъ въ будущемъ царствѣ почетное мѣсто религіи и нравственности,—то съ какимъ-же осужденіемъ Онъ долженъ отнестись къ современной, напр. революціи 1905 г. съ ея бунтовщическими тенденціями, или всемірной социаль-демократической, рѣшительно изгоняющей изъ своей программы религію (социализмъ предоставляет „небо воробьямъ“)“, а нравственность обуславливающей лишь экономическими факторами!

Итакъ, Христосъ не революціонеръ, а жертва революціонеровъ, и въ Евангеліи нельзя найти оправданія для подобнаго настроенія. Какъ-же оно относится къ противоположному—патріотическому? дружить-ли это послѣднее съ ученіемъ Христа?

Лекторъ даетъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ.

Въ Евангеліи вездѣ видно, что Христосъ любилъ Свой народъ, несмотря на доставляемыя Ему послѣднимъ огорченія; искренно скорбѣлъ объ его заблужденіяхъ. Любилъ храмъ Іерусалимскій и самый Іерусалимъ, какъ центръ еврейской культуры, печалился объ той участи, которая его ожидаетъ.

„Іерусалиме, Іерусалиме... сколько разъ я хотѣлъ собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья! (Мѡ. 23, 37. ср. Лук. 19, 41—45).

Указывая главное въ совершенствованіи души, въ спасеніи и т. п., Христосъ собственнымъ примѣромъ свидѣтельствуешь, что любовь къ своему народу, городамъ, селамъ храмамъ, нивамъ не противорѣчитъ Евангелію.

Благодаря оригинальности темы, новизнѣ освѣщенія евангельскаго текста и событій, лекція слушалась съ необыкновеннымъ интересомъ и вниманіемъ и вызвала горячую благодарность лектору со стороны всей аудиторіи.

Лекція закончилась пѣніемъ народнаго гимна.

Рождество Христово.

Древле Богъ, открывшій послѣ грѣхопаденія первыхъ людей, что змѣй—соблазнитель, діаволь, будетъ пораженъ сѣменемъ жены (Быт. 3, 15), говорилъ Аврааму: „Благо-

словаются въ сѣмени твоёмъ всѣ народы земли“ (Быт. 22, 18; 26, 4; 12, 3; 18, 18; Псал. 71, 17; Дѣян. 3, 25; Гал. 3, 8). Сѣмя —поясняетъ ап. Павелъ—есть Христосъ (Гал. 3, 16). Исаакъ и Іакову Богъ повторилъ обѣщаніе Свое о благословеніи въ сѣмени ихъ всѣхъ народовъ (Быт. 26, 3, 4; 28, 14). Получивши такое обѣтованіе отъ Бога, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ имѣли самую живую вѣру въ исполненіе его, и при жизни своей духовнымъ взоромъ устремлялись ко граду, въ основаніе которому будетъ положенъ Христосъ (Исаи 22, 16; Рим. 9, 33; 10, 11; Псал. 117, 22, 23; Мѡ. 21, 42; Тет. 2, 5, 7; Еф. 2, 20, 21,) художникомъ и строителемъ котораго будетъ Богъ (Евр. 11, 9, 10). Такова была сила этой вѣры, такова была увѣренность въ исполненіи ожидаемаго (Евр. 11, 1), что Авраамъ, напр., не сомнѣвался въ рожденіи по силѣ Бога Спасителя, даже готовясь принести въ жертву своего единственного сына Исаака (Быт. 22 гл.), отъ котораго должно было произойти все его потомство (Быт. 21, 12; Рим. 9, 7), отъ котораго по плоти долженъ былъ произойти Христосъ (Евр. 11, 17—19). Что и Исаакъ вѣрилъ въ исполненіе обѣтованія Божія о Христѣ, видно изъ того, что, благословляя своихъ сыновей Іакова и Исава (Быт. 27, 28, 29, 39, 40), онъ говорилъ Іакову: „проклинаящіе тебя—прокляты, благословляющіе тебя—благословенны“ (Быт. 27, 29; Евр. 11, 20). Іаковъ же предъ смертію молитвенно желалъ, чтобы дѣти его сына Іосифа, Ефремъ и Манасія, причислены были къ обѣтованному потомству (Быт. 48, 16),—конечно, ради происхожденія отъ потомства отцевъ—Авраама и Исаака—Христа (Евр. 11, 21).

Помня великія обѣтованія Божіи отцамъ, лучшіе изъ евреевъ были полны вѣры въ грядущаго Спасителя. Такъ Іосифъ, по вѣрѣ, что въ обѣтованной землѣ явится Христосъ, заклалъ евреевъ,—когда они переселятся изъ Египта въ эту землю, вынести изъ Египта и похоронить на ней его кости (Быт. 50, 24, 25; Исх. 13, 19; Ис. Нав. 24, 32; Евр. 11, 22). Такъ родители Моисея, когда царь египетскій приказалъ умерщвлять всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ еврейскихъ (Исх. 1, 15—22), три мѣсяца скрывали отъ убійцъ родившагося Моисея (Исх. 2, 2; Дѣян. 7, 20), чтобы сохранить его въ потомствѣ для участія въ полученіи обѣщаній Божіихъ отцамъ. По вѣрѣ родителей Богъ чудесно сохра-

нилъ жизнь Моисея, и онъ былъ вмѣсто сына у дочери фараона (Исх. 2, 10; Евр. 11, 23). И вотъ Моисей, когда пришелъ въ возрастъ, взирая на чрезвычайныя обстоятельства своего спасенія и своей судьбы, не захотѣлъ называться сыномъ дочери фараона, но предпочелъ принадлежать къ народу еврейскому и страдать вмѣстѣ съ нимъ ради имѣющаго явиться Христа. Онъ удалился изъ Египта (Исх. 10, 29), чтобы затѣмъ, по волѣ Божіей, быть избавителемъ своего народа (Дѣян. 7, 25) и вывести его изъ Египта—въ землю обѣтованную (Евр. 11, 24—27). Вотъ еще, для примѣра, нѣсколько лицъ изъ временъ ветхозавѣтныхъ, о которыхъ, на основаніи свидѣтельства ап. Павла (въ посл. къ Евр. 11 гл., 32—39 ст.), можно думать, что они были воодушевляемы вѣрою въ грядущаго Христа: судія Гедеонъ, избавившій евреевъ отъ власти язычниковъ мадіанитянъ (Суд. 7, 15); Варакъ, побѣдившій хананеевъ (Суд. 4 гл.); Сампсонъ, боровшійся съ филистимлянами (Суд. 13, 24, 25; 14 и 15 гл.); Іеѳфай, побѣдившій аммонитянъ (Суд. 11, 5—32); царь Давидъ (1 Цар. 17—45), много скрывавшійся въ горахъ и пещерахъ (1 Цар. 22, 1); пророкъ Самуилъ и другіе, славные своими дѣлами; Даніилъ, заградившій уста львовъ (Дан. 6, 22); Ананія, Азарія и Мисаилъ, угасившіе силу огня (Дан. 3, 25); пророкъ Ілія, избѣжавшій убіенія, по приказанію нечестивой царицы Іезавели, мечемъ (3 Цар. 19, 2, 3; ср. 3 Цар. 18, 40), скитавшійся въ милоти (3 Цар. 1, 8; 17, 3) и претерпѣвшій недостатки, скорбь и озлобленіе; царь Езекія, выздоровѣвшій отъ смертельной болѣзни (Исаи 38, 1, 9); Іонаанъ, сынъ царя Саула, бывшій крѣпкимъ на войнѣ и прогонявшій полки враговъ (1 Цар. 14, 6, 14—16); вдова Сарептская (3 Цар. 17, 23) и женщина Сонамитянка (4 Цар. 4, 20, 35, 36), получившія умершихъ сыновей воскресшими, первая—по молитвѣ пр. Іліи, а вторая—по молитвѣ пр. Елисея; учитель Елеазаръ и мать съ семью сыновьями при Антиохѣ Епифанѣ (2 Мак. 6, 18—31 и 7 гл.) и многіе другіе, замученные на смерть; пр. Іеремія, претерпѣвшій побои, поруганія и заключеніе (Іер. 20, 2); Навуѳей, побитый камнями (3 Цар. 21, 12; 2 Пар. 24, 21); пр. Исаія, по преданію перепиленный; пр. Урія, умерщвленный мечемъ (Іер. 26, 23)... Но повѣствовать о всѣхъ тѣхъ, которые ожидали пришествія Христа, но не видѣли исполненія обѣтованій Божіихъ,

не достанетъ времени. Между ожидавшими и желавшими этого пришествія были лица изъ всѣхъ народовъ (Агг. 2, 7. Рус. пер.).

Итакъ, многіе праведники, пророки и цари желали бы видѣть то, что мы видѣли, и слышать то, что мы слышали, —исполненіе обѣтованій о Христѣ,—но не увидѣли этого исполненія и не слышали о немъ (Мѡ. 13, 17; Лук. 10, 24). О насъ же Богъ предусмотрѣлъ нѣчто лучшее (Евр. 11, 40), —и блаженны очи наши, что видятъ, и уши наши, что слышать (Мѡ. 13, 16; Лук. 10, 23); пришелъ Примиритель и Ему покорность народовъ (Быт. 49, 10. Рус. пер.). Воспомянулъ Господь милость, какъ говорилъ отцамъ нашимъ (Лук. 1, 54)! Самъ, живущій на небесахъ (Псал. 122, 1; Мѡ. 6, 9; 23, 9; Лук. 11, 2) и сѣдящій на херувимахъ (1 Цар. 4, 4; 2 Цар. 6, 2; 4 Цар. 19, 15; 1 Парал. 13, 6; Псал. 79, 2; Исаи 37, 16), явился во плоти на землѣ (1 Тим. 3, 16; Вар. 3, 38), „принялъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ и по виду ставъ какъ человѣкъ“ (Филип. 2, 7).

Сынъ Божій Единородный родился намъ отъ Жены (Исаи 9, 6; Гал. 4, 4),—и мы обогатились величайшею славою обитанія въ человѣческомъ Тѣлѣ Христа всей полноты Божества (Кол. 2, 9), во Христѣ стали своими Богу (Еф. 2, 19), устроившему на землѣ престоломъ Своимъ Дѣву—Матерь чистую (Исаи 7, 14; Лук. 1, 34; Іезек. 44, 2), небомъ —вертепъ и вмѣстилищемъ Себѣ—ясли.

Исполнилось то, что „сказалъ Богъ: вселюсь въ нихъ и буду ходить“ (2 Кор. 6, 16; Лев. 26, 12),—и во Христѣ вѣрные будутъ приступать къ Судіи всѣхъ Богу и къ небесному Іерусалиму (Еф. 12, 22, 23) во всѣ времена, „во всѣ дни до скончанія вѣка“ имѣя пребывающаго съ ними Христа (Мѡ. 28, 20); не какъ пришельцы, но какъ сограждане Святымъ (Еф. 2, 19)—Ангеламъ и духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства. Такъ дарованіемъ намъ Сына Божія (Исаи 9, 6), въ рожденіи Его отъ Дѣвы Маріи, было положено начало соединенія всего небснаго и земного подъ главою Христомъ (Еф. 1, 10). И приобщеніе человѣческаго естества къ славѣ во Христѣ принято было небожителями съ чрезвычайной радостію и благодареніемъ Богу: соединенные съ людьми, они радовались ихъ славѣ (1 Кор. 12, 26). Божественно—необъятная и прекрасная все.

покрывающая любовь Божія, явленная міру въ пришествіи Бога во плоти къ погибающимъ въ удаленіи отъ Источника жизни людямъ, съ благоговѣйнымъ трепетомъ и пламеннымъ восторгомъ была прославлена на небесахъ. Объ этомъ въ ночь Рождества Христова возвѣстили на землѣ Ангелы въ словахъ: „Слава въ вышнихъ Богу“.

О, эта великая ночь, озаренная чуднымъ немеркнувшимъ сіяніемъ благоволенія Божія къ людямъ!—Обнищавшій ради людей Сынъ Божій съ Собою принесъ на землю „обиліе мира“ (Псал. 71, 7). Принимающіе этотъ миръ, во Христѣ примиренные съ Богомъ (Рим. 5, 1) и получившіе доступъ къ Отцу (Еф. 2, 16, 17), въ Богѣ, Который не есть Богъ неустройства, но любви и мира (1 Кор. 14, 38; 2 Кор. 13, 11), имѣютъ миръ всегда и во всемъ (2 Тес. 3, 17). И какъ нашедшій драгоцѣнную жемчужину купецъ продаетъ все, что имѣлъ, и покупаетъ ее (Мѣ. 13, 45-46), такъ и нашедшіе миръ во Христѣ не даютъ уже никакой цѣны всякимъ случайностямъ, постигающимъ ихъ въ земной жизни, и не привязываются сердцемъ къ земнымъ суетнымъ благамъ,— не любятъ міра, ни того что въ мірѣ (1 Іоан. 2, 15). Привязанность къ міру причиняетъ людямъ безпокойство и скорби, потому что „міръ проходитъ, и похоть его“ (1 Іоан. 2, 17), и счастье земное подвергается всякимъ превратностямъ; миръ же Божій, превышающій всякій умъ, соблюдая сердца и помышленія имѣющихъ его во Христѣ Іисусѣ (Филип. 4, 7), дѣлаетъ ихъ безстрашными предъ лицомъ всякой скорби и свободными отъ всякаго земного смущенія и страха (Іоан. 15, 27; 16, 33). Для того, чей духъ позналъ святую сладость совершеннаго и ничѣмъ невозмутимаго успокоенія въ Богѣ, дающаго ощущеніе невыразимаго небеснаго блаженства (Лук. 17, 21; Рим. 14, 17; 2 Кор. 12, 4), самое цѣнное въ земной жизни—обладаніе миромъ Христовымъ и самое главное—бережное и самоотверженное его охраненіе. Распятъ плоть свою со страстями и похотями, отвергнуться себя, быть кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ среди злыхъ и гордыхъ людей, не противиться злему,—все это и такое, ради возжелѣннѣйшаго всякихъ иныхъ переживаній и состояній мира Христова, является бременемъ истинѣ легкимъ и благимъ. Жестокія бури напастей на морѣ земной жизни безсильны лишить свѣтлаго душевнаго

покая нашедшихъ миръ во Христѣ; самая смерть для нихъ приобрѣтеніе (Фил. 1, 21). Таковъ „на землѣ миръ“—Божественный даръ людямъ, принесенный съ небесъ родившимся Христомъ, уже на землѣ обильно вознаграждающій христіанъ за подвигъ несенія ига Христова, за вражду къ грѣховнымъ земнымъ радостямъ ради любви къ Богу и соблюденія собственной чистоты и за самоотверженную любовь къ людямъ.

„Что Тебѣ принесемъ, Христе, яко явился на земли яко человекъ насъ ради“ (изъ стих. на Госп. воз. праз. Р. Х.)?—„Хвалу недостойными устами ангельски Тому принесемъ“ (изъ стих. на литіи праз. Р. Х.). Красно трезвонять колокола, горять храмы огнями свѣтильниковъ и торжественно справляются службы Божіи, когда христіанами совершается празднованіе въ честь Рождества Христова... Христосъ родился отъ Дѣвы! Показалъ Божіе „въ человекахъ благоволеніе“, по которому Самъ сошелъ къ намъ и принесъ на землю миръ Божій! Славою и честью обитанія Божества въ человѣческомъ тѣлѣ вѣнчалъ насъ и соединилъ съ вышними, чтобы и намъ съ ними ангельски славить Его! Устремимся же встрѣтить и принять Его, спешаго съ небесъ, въ свои души, съ ангельскою въ недостойныхъ устахъ нашихъ Ему хвалю.

Священникъ Василій Григоревичъ.

НАШЕМУ СЕРДИТОМУ КРИТИКУ.

Только на дняхъ мнѣ удалось прочесть въ № 32 ж. „Законоучитель“ отъ 1—15 августа сего года отзывъ о моемъ учебникѣ—„Курсъ пр.-хр. вѣроученія“ для VII кл. гимназій—священника Іоанна Филевского и я считаю своимъ долгомъ, хотя не совсѣмъ пріятнымъ, отвѣчать на него.

Въ началѣ своего отзыва, занимающаго три столбца убористаго шрифта, критикъ указываетъ поводъ, побудившій его давать печатный отзывъ о моей книгѣ. Вотъ что послужило этимъ поводомъ. Ко второму изданію своего учебника я приложилъ выдержки изъ ряда отзывовъ, появившихся въ періодическихъ изданіяхъ о моей книжкѣ. Всѣ эти отзывы самага лестнаго характера. Чтобы не дать повода

кому либо обвинить меня въ сокрытіи истины, я привелъ также выдержку и изъ единственнаго неблагопріятнаго отзыва священника І. Филевскаго, сдѣланнаго имъ въ докладѣ Харьковскому законоучительскому съѣзду 1913 года. И о. Филевскій обидѣлся. За что же? За то, что отзывъ его не приведенъ цѣликомъ, лишь въ краткой выдержкѣ. Но помилуйте, о. критикъ! Вѣдь и благопріятные отзывы приведены мною лишь въ выдержкахъ, а не цѣликомъ! И если бы я сталъ цѣликомъ приводить печатные отзывы, да еще и массу весьма лестныхъ для меня писемъ отъ оо. законоучителей и даже нѣкоторыхъ профессоровъ дух. академій, то я долженъ бы былъ употребить для этого не одинъ печатный листъ. Мыслимо ли это? Поэтому и изъ вашего отзыва я взялъ лишь самое существенное и привелъ ваши слова буквально. Вы не можете сказать, что ваши слова мною искажены и этого, дѣйствительно, не говорите. Но въ такомъ случаѣ что же значить теперешнее ваше заявленіе, что вы хотите „возстановить истину“? Вѣдь съ моей стороны не было и попытки исказить вашу истину! Затѣмъ вы заявляете, что намѣрены „изложить свой прежній отзывъ“ о моей книгѣ, а между тѣмъ то, что вы пишете теперь, я слышу впервые. Поэтому относительно этого послѣдняго вашего заявленія я позволю замѣтить вамъ, что вы или забыли свой прежній отзывъ, или, выражаясь деликатно, сознательно уклоняетесь отъ истины, что въ переводѣ на вульгарный языкъ выходитъ не совсѣмъ благозвучно....

За симъ у о. Филевскаго слѣдуютъ обвинительные пункты.

Въ пунктѣ 1 критикъ заявляетъ, что мой учебникъ носить чисто компилятивный характеръ, состоитъ изъ заимствованій изъ другихъ учебниковъ и изъ курсовъ старой апологетической литературы и въ этомъ отношеніи не можетъ удовлетворять современнаго образованнаго читателя. Вотъ здѣсь вашими устами, о. Филевскій, глаголетъ сама истина. Но только неужели вы не знаете, что учебники пишутся для учениковъ, а не для образованныхъ читателей? Неужели вы не знаете, что авторы учебниковъ дѣлаютъ заимствованія другъ у друга иногда даже буквальные и не указываютъ источниковъ? Возьмите любой учебникъ катихи-

зиса и увидите, сколько каждый изъ нихъ заимствуетъ у преосвящ. Филарета!

„Теоретическія разсужденія учебника... скорѣе оттолкнуть образованнаго читателя, чѣмъ убѣдять“. Можетъ быть, о. Филевскій, очень можетъ быть, что это такъ. Но тогда позвольте васъ спросить, что же означаютъ ваши собственные слова въ первомъ вашемъ отзывѣ, гдѣ вы говорите обо мнѣ: „авторъ довольно успѣшно борется съ невѣріемъ“? А теперь вы указываете на неудовлетворительность теоретическихъ разсужденій и, какъ на примѣръ, указываете на „избитыя богословско-раціоналистическія доказательства бытія Божія.“ Если не ошибаюсь, тутъ вы противорѣчите сами себѣ.

Пунктъ 2-й обвиненія состоитъ изъ общихъ фразъ, безъ всякихъ доказательствъ. Говорится, напр., о торопливости, поверхностности разработки вопросовъ вѣроученія, объ обиліи критическаго элемента и т. д. Но на общія бездоказательныя утвержденія я позволю себѣ вовсе не отвѣчать.

Въ пунктѣ 3 критикъ указываетъ главнѣйшія ошибки и погрѣшности учебника. Вотъ онѣ:

„Религія у автора—это только отношеніе человѣка къ Богу и т. д., а не Бого-человѣческой союзъ, или единеніе Бога и человѣка.“

Да, о. ученый критикъ, религія вообще есть только лишь отношеніе человѣка къ Богу и то, что вы говорите о религіи, относится не къ религіи вообще, а къ религіи христіанской. Если вы не понимаете, въ чемъ тутъ дѣло, то я попытаюсь вамъ помочь примѣромъ изъ учебника логики. Если бы я сказалъ, что всѣ вообще критики и рецензенты не безпристрастны, то мое сужденіе не было бы истиннымъ. Но если я скажу, что нѣкоторые критики не безпристрастны; если я при этомъ прибавлю, что и за примѣрами ходить не далеко, то, пожалуй, я буду не далеко отъ истины. Не правда ли? Такъ вотъ точно и здѣсь; что справедливо относительно христіанской религіи, того нельзя сказать о религіи вообще. Поняли теперь?

„Къ внѣшней сторонѣ религіи относятся у автора *дѣйствія* религіи, чего нельзя сказать“.

Прочитайте болѣе внимательно и вы увидите, что авторъ этого и не говоритъ: къ внѣшней сторонѣ религіи я

отношу не дѣйствія религіи, а тѣ „дѣйствія, знаки, символы, въ которыхъ человѣкъ выражаетъ свою зависимость отъ Бога“... Неужели, по вашему, это все равно? А если вы не могли этого не понимать, то какъ же назвать этотъ вашъ приемъ намѣреннаго искаженія чужихъ словъ?

„Авторъ утверждаетъ, говорить о. Филевскій, что „у Моисея были въ распоряженіи“ два какихъ-то различныхъ источника при описаніи творенія міра и грѣхопаденія людей.“

Нѣтъ, о. Филевскій, я этого не утверждаю, но у меня сказано вотъ что. Нѣкоторые критики авторомъ пятокнижія считаютъ не Моисея, а какое-то другое лицо и это свое мнѣніе основываютъ на томъ, что повѣствованіе о шести-дневномъ твореніи (Быт. I) и о грѣхопаденіи (Быт. II, III) настолько различны по характеру, что можно предположить тутъ двухъ различныхъ авторовъ. Вотъ по этому поводу у меня и сказано буквально слѣдующее: „А почему бы самъ Моисей не могъ внести въ свою книгу сказанія объ этихъ событіяхъ изъ двухъ различныхъ источниковъ, какіе были въ его распоряженіи?“ Вы видите, это совсѣмъ не категорическое утвержденіе. Васъ удивляетъ, откуда я взялъ это мнѣніе о возможности двухъ источниковъ у Моисея. Пожалуй, я бы могъ это вамъ сказать, но это было бы бесполезно, такъ какъ едва ли вамъ доступенъ тотъ источникъ, откуда я позаимствовалъ сказанное мною. Къ счастью, я могу указать для васъ источникъ вамъ доступный. Возьмите „Богосл. Вѣстн.“, Янв. 1914 г. и прочтите у свящ. Д. В. Рождественскаго, стр. 97, слѣд. строки: „Позднѣйшій редакторъ (не Моисей), говорятъ, нашелъ два сказанія и не могъ изъ нихъ сфабриковать удовлетворительнымъ образомъ третьяго, а потому оставилъ ихъ безъ измѣненія, предоставляя читателю понимать, какъ знаетъ. (Рѣчь идетъ о двухъ будто бы противорѣчивыхъ сказаніяхъ Моисея о твореніи міра). Точъ въ точъ также могъ поступить и Моисей, потому что *въ его распоряженіи могли быть различныя устныя и письменныя преданія древнѣйшей эпохи.*“ Вы видите, что не я одинъ высказываю это мнѣніе, а то же самое позже меня (моя книжка вышла въ іюлѣ 1913 г., а вышеприведенныя слова я беру изъ январьской книжки „Б. Вѣстн.“ за 1914 годъ) говоритъ и свящ. Рождественскій въ статьѣ: „Изъ лекцій по Св. Пи-

санію В. З., читанныхъ доцентомъ М. Д. Академіи А. А. Ждановымъ.“ Если для васъ это является такой необыкновенной и даже невѣроятной новинкой, то не моя въ томъ вина, о. ученый критикъ. Очевидно, ученость ваша не такъ ужъ широка и глубока, и во всякомъ случаѣ не вполне соответствуетъ тому апломбу, съ какимъ вы изволите держать себя въ области, мало вамъ знакомой. Знаете пословицу: „вѣкъ живи—вѣкъ учись“... Не мѣшало бы вамъ поучиться кое-чему. Тогда вы не были бы такъ развязны.

Мой критикъ говоритъ: „христіанство не отмѣнило рабства“, укоряя меня за это мое утвержденіе.

А по вашему, отмѣнило? И ап. Павелъ не требовалъ, чтобы рабы повиновались своимъ господамъ? И Онисимъ не былъ рабомъ Филимона? Христосъ провозгласилъ ученіе о равномъ достоинствѣ всѣхъ людей и тѣмъ самымъ осудилъ институтъ рабства. Но внезапная отмѣна рабства могла бы вызвать опасныя общественныя потрясенія, а потому необходимо было время, очень продолжительное для того, чтобы ученіе Христово вошло въ сердца людей.

„Рабовладѣльческое христіанство“—слова, поставленные критикомъ въ кавычки, очевидно съ тою цѣлію, чтобы показать, что слова эти взяты изъ моего учебника. Поэтому я долженъ заявить, что такихъ словъ въ моемъ учебникѣ нѣтъ и что тутъ допущенъ критикомъ подлогъ. У меня же сказано вотъ что: „рабовладѣлецъ-христіанинъ (напр., Филимонъ) относился къ рабу совершенно иначе, чѣмъ язычникъ“. Если, о. критикъ, вы дѣлаете тутъ искаженіе моихъ словъ намѣренно, то да будетъ вамъ стыдно; а если по святой простотѣ, то помочь вамъ не въ силахъ.

„Говоря о пророчествахъ, авторъ пишетъ о какихъ-то экстраординарныхъ событіяхъ природы“. Не правда, о. Филевскій, не о событіяхъ, а о *явленіяхъ* природы, что не одно и то же.

„Напрасно авторъ выражается, будто евангелисты выбрали матеріалъ для себя(?) (нигдѣ такой фразы у автора нѣтъ) и пользовались *литературными* (курсивъ критика) источниками, существующими (существовавшими) раньше, *даже небоговдохновенными*. На основаніи такихъ-то „небоговдохновенныхъ литературныхъ источниковъ и написано Евангеліе отъ Луки“.

Нѣтъ, о. Филевскій, это не напрасно у меня сказано, а для того, чтобы привести лишнее доказательство той мысли, что инспирація не простиралась на букву Писанія. Только опять-таки вы перевираете мою мысль и она въ вашемъ изложеніи является невѣрной. Евангеліе Луки написано не „на основаніи боговдохновенныхъ литературныхъ источниковъ“, какъ вы выражаетесь, а „на основаніи тщательнаго изслѣдованія тѣхъ многочисленныхъ повѣствованій, какія уже существовали ранѣе“. Вы понимаете разницу въ выраженіяхъ? Скажите же теперь, повѣствованія, которыя подвергалъ тщательному изслѣдованію Евангелистъ Лука, были боговдохновенными? Если да, то въ чемъ должно было состоять ихъ изслѣдованіе?

„Авторъ довольно странно выражается, что отъ священныхъ писателей нельзя требовать, чтобы они давали свѣдѣнія непремѣнно полныя, непремѣнно соотвѣтствующія строго-научнымъ критеріямъ истины“....

Да, такъ выражаться было бы не только странно, а болѣе чѣмъ странно. Къ счастью, это не моя мысль, о Филевскій. Я этого никогда не говорилъ, а вамъ угодно было опустить нѣсколько начальныхъ словъ моей фразы и привести лишь конецъ. Но это же пріемъ неблаговидный. Мнѣ стыдно за васъ, о. Филевскій: вы прибѣгаете къ шуллерству. Нельзя требовать отъ священныхъ писателей, чтобы они давали полныя и соотвѣтствующія строго-научнымъ критеріямъ свѣдѣнія астрономическія, географическія, естественно-историческія и т. п. Вотъ моя мысль, которую я высказалъ и отъ которой не отказываюсь и сейчасъ.

Въ такомъ же родѣ и всѣ другія погрѣшности, которыя ставитъ мнѣ въ укоръ о. Филевскій. Единственное указаніе на дѣйствительно допущенную мною погрѣшность о. Ф—скій дѣлаетъ слѣдующее: кн. Бытіе содержитъ исторію еврейскаго народа до Моисея. Это-недосмотръ, который обѣщаю исправить въ слѣдующихъ изданіяхъ.

Вотъ теперь, послѣ всего сказаннаго, и отвѣйте мнѣ, о. Филевскій, по совѣсти, положи руку на сердце, что вами руководило при написаніи отзыва о моей книжкѣ, въ которомъ вы позволили себѣ столь не корректные пріемы! Была ли въ этомъ случаѣ вашимъ другомъ истина, или ея антиподъ? Право, мнѣ невольно думается, что вы скорѣе имѣли

въ виду свести со мною старые счеты за мои критическія замѣтки по поводу нѣкоторыхъ статей въ вашей появившейся было въ дни освободительнаго движенія „Церковной Газетѣ“? Вы не находите, что это такъ? Въ такомъ случаѣ вамъ слѣдовало бы припомнить, что мои пріемы критики были иные: никогда я не позволялъ себѣ извращать чужую мысль, приписывать автору то, чего онъ не говорилъ, не прибѣгалъ къ шуллерскимъ пріемамъ. Или, быть можетъ, вамъ досадно, что вы одинокъ со своимъ отрицательнымъ отзывомъ о моемъ учебникѣ? Ну, что же дѣлать! Сердиться все-таки не слѣдовало.

Свящ. Н. Липскій.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Напутственный молебень запаснымъ воинамъ 7 сапернаго баталіона.

26 ноября с. г., въ день праздника Георгіевскихъ кавалеровъ, Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, было совершено — «Молебное пѣніе Господу Богу нашему, за Императора и за люди, пѣваемаго во время брани противу супостатовъ» — для запасныхъ воиновъ 7 сапернаго баталіона, отправляющихся въ дѣйствующую армію.

Молебень Владыкою былъ совершенъ въ большомъ казарменномъ помѣщеніи означеннаго баталіона — въ сослуженіи: архимандритовъ Харьковскаго Покровскаго первокласснаго монастыря Рафаила, Іосифа, Афанасія и Автонома, 4 іеромонаховъ, 3 іеродіаконовъ и 2 монастырскихъ иподіаконовъ. Владыка облачился въ полное архіерейское облаченіе; для него было устроено особенное возвышеніе, такъ что онъ былъ виденъ всѣмъ молящимся воинамъ. Молебень служили предъ ротными иконами. Особенно трогательно было: это свѣчки, поставленныя солдатиками предъ св. иконами, и не мало было мѣдныхъ монетъ, положенныхъ солдатиками на блюдо предъ тѣми же иконами... Пѣли очень стройно солдаты означеннаго баталіона.

Послѣ отпуска Владыка сказалъ воинамъ, отправляющимся на брань противу супостатовъ, воодушевленное слово, проникнутое самымъ горячимъ патриотизмомъ. Въ высшей степени трогательно было